

СТАСЯ ВЕРТИНСКАЯ

ПОПАДАНКА
на самокате

Стася Вертинская
Попаданка на самокате

«Автор»

2026

Вертинская С.

Попаданка на самокате / С. Вертинская — «Автор», 2026

Попасть под колеса электросамоката и стать главной подозреваемой в убийстве его водителя? Легко! После столкновения с электросамокатом я попала в другой мир. Нож в груди погибшего самокатчика красноречиво намекает о мести. Рядом с трупом – только я. А сопротивление местным стражам порядка убеждает всех в моей виновности. На мое счастье, это лишь звено в большом деле о подделке магических батарей, которое ведет красавчик детектив. Мне придется держаться за него, чтобы не пропасть в чужом мире и доказать свою непричастность к убийству. Что? Он решил, что я увязалась за ним из-за его привлекательности? Да что он о себе возомнил! Хотя...***Книга издана на бумаге.

© Вертинская С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1.	5
ГЛАВА 2.	9
ГЛАВА 3.	13
ГЛАВА 4.	17
ГЛАВА 5.	22
ГЛАВА 6.	26
ГЛАВА 7.	32
ГЛАВА 8.	36
ГЛАВА 9.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Стася Вертинская

Попаданка на самокате

ГЛАВА 1.

Ненависть к самокатчику заставила меня быстро прийти в себя. Села и почувствовала боль в затылке и тошноту – кажется, всё-таки сотрясение. Но желание убивать было сильнее даже этого.

С трудом приняла вертикальное положение. Дождалась, пока погаснут круги перед глазами. И только тогда осмотрелась в поисках обидчика. Я собиралась хотя бы наорать на него. И, если получится, призвать к ответственности. Но наорать в любом случае. Как этот недотепа смог не заметить меня на пустой улице?

Улица всё ещё была безлюдна, потому обидчика удалось найти сразу. Это был мужчина средних лет, одетый в какую-то замысловатую одежду. Рядом валялся старинный кожаный чемодан. Сейчас он был расстегнут, и содержимое рассыпалось по асфальту.

Кажется, самокатчик очень спешил на костюмированную вечеринку и предвкушал веселый вечер, потому не смотрел на дорогу. Что ж, в моих планах тоже не было попадать под колеса его электросамоката.

Кстати, самокат выглядел непривычно. Я ожидала увидеть желтую бандуру из известного проката. Но чудо техники выглядело под стать владельцу – что-то фэнтезийное с огромным фонарем в середине руля и бронзовыми украшениями.

Снова угрюмо посмотрела на мужчину. Он лежал на дороге, раскинув руки и глядя в небо. Не думаю, что его сильно мучила совесть. Но убивать его мне как-то перехотелось. Главным аргументом в защиту самокатчика был нож, торчащий из его груди.

Первым побуждением было звонить по экстренным номерам. Но мой смартфон разбился, и едва ли был живее самокатчика. Потому я наклонилась к мужчине и стала его ощупывать в поисках средства связи.

– Эй! – сзади раздался голос.

Оглянулась и в конце улицы увидела двоих мужчин. Одеты они были так же странно, как труп рядом со мной. Один зачем-то свистел в свисток.

– Этот мужчина сбил меня, а потом... – начала я объяснять.

Но кажется, друзья убиенного были настроены на месть. Прямо сейчас. И выбрали объектом для вымещения гнева меня.

Один схватил меня за руку и резко завел ее за спину. У меня и так болела голова, а этот придурок уже выворачивал мне конечность. К счастью, я была готова к тому, что в вечернее время просыпается мафия и всякие подозрительные личности. А этот переулочек всегда был пустынным и немного жутким. Потому я носила в кармане электрошокер. В отличие от телефона, он не сломался и ждал своего часа.

Зарядив им по схватившему меня мужчине, отскочила назад. Голова опять закружилась, к горлу подступил ком. Замерла, пытаюсь совладать со слабостью. Но это дало время второму мужчине, уже склонившемуся над трупом. Он вскочил, чтобы поймать меня.

– Техномаг? – воскликнул он. – А лицензия имеется?

Я решила, что мое сотрясение как-нибудь подождет, и побежала прочь. С этими людьми лучше дел не иметь, а нужно найти кого-то более адекватного на оживленных улицах.

Вот только вдруг что-то схватило и обожгло мою ногу. Снова полетела на асфальт и кажется разбила нос. Было больно. А желание наорать на кого-нибудь возросло в разы. Но страх оказался сильнее.

Повернулась и увидела в руках мужчины такой же электрошокер, как у меня. Ну почти такой же – электричество в нем искрилось на веревке, тянущейся от руки преследователя до моей лодыжки. Это уже до такого техника дошла?

Мужчина стал медленно подходить ко мне, укорачивая “поводок”. Так что у меня не было возможности даже отползти.

– Использование магии без лицензии, – начал перечислять мужчина. – Преднамеренное убийство, сопротивление полиции...

– Какая из тебя полиция?! – заорала я. – Вы там со своим косплеем уже кукухой поехали?

– Оскорбление должностного лица при исполнении, – закончил мужчина, всё же скрутив меня и застегивая на запястьях наручники.

Я даже на миг подумала, что это у меня крыша потекла. Все-таки я неплохо приложилась головой, когда на меня налетел самокат. Потому как мужчина был очень уверен в своей правоте. Я даже не стала с ним спорить. Всё равно его не переубедить, что он псих.

Снова попыталась вырваться, когда он запикивал меня в какую-то старинную машину. Сейчас как увезет куда... Даже думать было об этом страшно.

Однако через время я оказалась заперта за решеткой, в так называемом полицейском участке. Подельник моего похитителя пришел в себя, попивал чай за столом по другую сторону решетки и сердито косился на меня.

А я думала: почему это происходит со мной? Я так сильно стукнулась головой, что поймала глюки? Или это мир вокруг меня сошел с ума?

Кто бы знал, что идея срезать путь через тот переулочек закончится таким захватывающим приключением?

Я не знала. А если был бы хотя бы намёк на это, то сделала бы любой крюк, не жалея времени. А ещё лучше – осталась бы дома. Как теперь освободиться из плена этих двоих придурков?

– Так... Давай-ка повторим, – заговорил тот, что поймал меня. – Документов при тебе нет. Называть своё имя отказываешься.

– Я не собираюсь раскрывать свои персональные данные каким-то проходимцам! – снова буркнула я.

Ну а кто знает, какие теперь у этих вымогателей методы? Раньше звонили и представлялись сотрудниками, теперь нарядились в не пойми кого и ловят людей на улице. Может и труп был муляжом, чтобы напугать меня и загнать в угол?

– Не в себе, – сказал тот, что с чаем, и что-то записал перьевой ручкой в тетради.

– Невменяемая техномагичка без лицензии, так и запиши, – добавил первый. – Психованная, бросается на людей. Дело, считай, раскрыто. Потому с них лицензию и требуют. Мало ли ненормальных вокруг? Убила порядочного гражданина. Судя по одежде, был уважаемый человек. А теперь что?

– Да вы с ума сошли! – не выдержала я. – Вы что? На меня это повесить собираетесь? Сами дружка своего прикончили, а я виновата?

Я уже была на грани того, чтобы сказать им код из СМС. Благо, смартфон разбит, и я не смогу это сделать.

– Вину отрицает, – добавил мужик с чаем и снова что-то записал.

Меня найдут и спасут, убеждала себя я. Хотя когда это произойдет и что со мной успеют сделать до этого момента, оставалось только гадать.

– Я вас засужу за похищение и клевету! – использовала я последний аргумент, но он не подействовал.

– Вот оно что, – протянул один из придурков. – Слышал, товарищ Громов? Она нас засудит.

– Пусть попробует, – равнодушно хмыкнул Громов и вернулся к чаю. – Как только придёт в себя.

– Да я в полном уме! Это вы – двое ряженных идиотов, решивших, что могут похитить человека и обвинить его своих преступлениях!

– Точно не в себе, – кивнул тот, чье имя я ещё не знала, и посмотрел на меня с жалостью.

Я едва не заорала от бессилия. Эти двое будто издевались надо мной! И, кажется, решили взять меня измором. Потому что оба занялись своими делами, больше не обращая на меня никакого внимания. Уселась на деревянную лавку в углу и стала ждать. Требований эти двое пока не предъявляли. Бить не пытались. Сдать в рабство – пока тоже. Но на всякий случай я была начеку.

Я просидела взаперти всю ночь. Утром в помещении появились новые люди, но им было велено не спускать с меня глаз. Покормили целых два раза какой-то безвкусной кашей. А потом началась новая ночь.

– Что значит, она главная подозреваемая? – разбудил меня утром чей-то грозный голос.

Я вздрогнула и вскочила, пытаюсь понять, что произошло. Меня пришли спасать?

Возле стола напротив ряженого полицейского, уперев руки в стол, стоял мужчина. Он был высоким и будто навис над своим собеседником. Темные волосы растрепаны, на лице щетина, говорящая о его вечной борьбе между “надо привести себя в порядок” и “да кому это нужно”. Само лицо довольно симпатичное, а тонкий шрам на щеке придавал шарма. Одет в плащ какого-то устаревшего покроя, рубашку с расстегнутым воротником, а больше мне видно не было.

Но мужчина не был мне знаком. А значит вряд ли пришел сюда спасать меня. Откинулась на стену, снова закрыв глаза и от нечего делать прислушиваясь к разговору.

– Послушай, Глеб, – промямлили в ответ. – Эту девицу нашли возле трупа. Она пыталась обчистить его. Кто еще, если не она?

– А если б вы нашли крысу возле трупа, то обвинили бы её? – прошипел Глеб. Страшно стало даже мне, хоть между нами была решетка и закрытая дверь.

– Ларин, ты опять всё усложняешь, – не согласился с его доводами псевдо-полицейский. Но сдаваться он точно не собирался. – Если у тебя есть доказательства или другие подозреваемые, то просто скажи кто?

Глеб промолчал. Кажется, этому красавчику сегодня не повезло.

– Вот видишь, – продолжил полицейский. – Кто еще, если не эта девица?

– Ты мешаешь моему делу, Фонарёв, – Глеб хлопнул ладонью по столу.

Я вздрогнула и посмотрела на нарушителя спокойствия.

– Но все улики... – пытался возразить полицейский.

– Ни хрена у тебя нет! – рявкнул Глеб. – Ни улики, ни доказательств. А все обвинения высосаны из пальца. Просто забудь о её существовании!

– Нельзя просто так... – начал Фонарёв, но стушевался под взглядом Глеба.

– Я внесу залог, понял? – процедил Глеб, находя компромисс. – Можешь оставить записи об этой девке себе. Потом подотрешься ими.

Глеб вытащил из внутреннего кармана несколько купюр и положил на стол перед полицейским. Тот посмотрел на купюры со смесью ужаса и жадности.

– Она техномаг. У нее нет лицензии. Нужно заплатить штраф, – промямлил он и нервно сглотнул.

Я стала прислушиваться внимательнее. Никого с такой богатой историей тут не было. Только я.

– Сколько? – коротко спросил Глеб.

Фонарёв снова сглотнул. Затем назвал сумму. Она мне ни о чем не говорила. Кажется, в этом месте рассчитывались фантиками.

Тем временем Ларин бросил на стол перед Фонарёвым ещё несколько купюр.

– Документ выдай, – напомнил Глеб. Фонарёв засутился, подписывая какие-то бумаги.
– Когда дело будет раскрыто, вернёшь всё до последнего медяка.

Фонарёв одарил его ненавидящим взглядом, но отдал подписанный лист, который мгновенно исчез во внутреннем кармане Глеба. Затем встал и открыл дверь моей камеры.

– Давай, на выход, – буркнул он, приглашая выйти.

Мой спаситель окинул меня равнодушным взглядом и отвернулся. Вообще-то он похож был на бандита, и я не уверена, что хотела идти куда-то с ним. Но всё лучше, чем сидеть запертой, потому я послушно выскочила из камеры.

К счастью, вещи мне тоже вернули. Даже разбитый телефон. Я любовно обняла электрошокер – красавчику-Глебу не поздоровится, если он надумает распускать руки, и засеменила за Глебом к выходу.

– Ты ничего мне не должна, – сказал он, даже не поворачиваясь ко мне. – Возвращайся в свой бордель и старайся нигде не светиться.

– В бордель? – переспросила я.

Я уже поняла, что этот мужчина – отборная сволочь. Но оскорблять ни в чем не повинных людей – это слишком.

– Правда? Ты считаешь, что выглядишь как приличная девушка? – он наконец повернулся ко мне и посмотрел так, что я почувствовала отсутствие на мне даже белья.

Одета я была вполне прилично. Модные широкие джинсы и трикотажный кроп-топ, открывающий узкую полоску живота над поясом. Да так половина города ходит! Но на всякий случай я подтянула топ пониже. Трикотаж вытянулся, углубившееся декольте весело подмигнуло Глебу. Он скользнул по нему взглядом.

– А ты напориста, – лениво сказал Глеб. – Не стесняешься показывать свои лучшие качества, даже когда это неуместно.

Он хмыкнул и отвернулся. Я постаралась не провалиться сквозь пол от стыда.

На всякий случай пыталась не отставать, пока Глеб шёл к выходу. Ну а вдруг решат, что мне понравилось в этом безумии играть роль заключенной? Уж лучше убраться отсюда подальше. Глеб распахнул дверь и шагнул на улицу, я за ним. Чуть снова не разбила нос о дверь, которую он не удосужился придержать. А потом замерла в ужасе.

Наверное, это был мой персональный ад. А иначе это царство бронзовых электросамокатов не назовешь. Десятки людей пронеслись мимо нас на самоходных монстрах, похожих на тот, что меня сбил. В ушах шумел гул их колес и дребезжание звонков. Всё тело заболело от ощущений, которые мне пришлось пережить два дня назад.

Люди были одеты так же странно, как тот придурок, что меня сбил, и недотепы, изображающие полицейских. На женщинах закрытые платья с длинными юбками до щиколоток и причудливые шляпки. Да и мужчины отстали от моды лет на сто. Улица, хоть и была оживленной, совсем не напоминала привычный мне мегаполис.

Хотелось забежать в здание и запереться в камере подальше от этого всего. Но ноги приросли к полу, а перед глазами плыло. Я вцепилась в руку Глеба, ища опору.

Это какой-то бред.

Где я? Что здесь происходит?

Но самое главное: откуда столько этих двухколесных машин для убийства?

– Я же сказал, – над ухом раздался голос Глеба. – Отрабатывать не нужно. Просто проваливай туда, где тебя ждут.

Я повернулась к нему, но уже не могла совладать с охватившим меня ужасом и позорно грохнулась в обморок.

ГЛАВА 2.

Тик-так, тик-так.

Этот звук последний раз я слышала в детстве, когда была в гостях у бабушки. Он навязчиво звучал где-то рядом, не давая спать. Перевернулась на другой бок и только тогда вспомнила, что я давно не ребенок. Да и тем старым часам неоткуда было взяться.

Открыла глаза, надеясь, что всё произошедшее лишь сон. Но нет. Тиканье часов продолжало звучать над ухом. Сама я лежала на незнакомом диване. Шерстяное одеяло, которым я была укрыта, неприятно кололо кожу.

Осторожно села и осмотрелась. Комната была небольшой, но с высоким потолком. Кроме дивана стояло старомодное кресло на изогнутых ножках, столик и полка для книг. На стене те самые часы с маятником, которые тикали особенно громко в тишине.

Опустила ноги на пол и почувствовала под ними тонкий ковер. Оказаться в квартире лучше, чем в тюрьме. Но хуже потому, что я не знаю ничего об этой квартире. Может, я пожалею, что не осталась за решеткой? Встала, морщась от легкого головокружения, и осторожно пошла к двери – она была заперта.

Остановилась у книжной полки. Книги на ней были составлены небрежно или лежали стопкой, создавая беспорядок. Сверху на одной из стопок перевернутая деревянная рамка. Взяла её в руки. На старом черно-белом фото увидела Глеба. На нем он был моложе, улыбался и обнимал девушку. Я наконец поняла, в чьем доме нахожусь.

Аккуратно поставила фото на полку и осторожно выглянула за дверь. Там было пусто. Прошла через квадратную прихожую, которая была чуть меньше комнаты. Возле двери вешалка, на которой висели единственный уже знакомый мне плащ и зонт-трость. Внизу две пары мужских туфель и мои кроссовки. Хотя на фото Глеб был с кем-то, здесь он жил один.

Ближайшая дверь была открыта. За ней оказалась кухня, которая выдавала живущего в квартире холостяка. На открытой полке над раковиной несколько тарелок и пустая банка. Рядом на кухонном столе пара перевернутых кружек, бумажный сверток и несколько лежащих на полотенце ложек и вилок.

Дальше винтажная газовая плита на высоких ножках. На ней причудливый чайник и медная турка, над которой поднимался пар. В воздухе пахло кофе – кажется, хозяин был на кухне совсем недавно. Решил поиграть в прятки?

На небольшом обеденном столе беспорядок. Он был завален черно-белыми фотографиями, вырезками из газет, заметками, сделанными неровным почерком. Кажется, за этим столом не ели – скорее, работали. Два стоящих возле окна стула и скомканная салфетка на подоконнике говорили о том же.

Я подошла к столу и заметила фото печально знакомого самокатчика. Торчащий из его груди нож был запечатлен отдельно с нескольких ракурсов. А рядом газетная заметка с тем же человеком на фото, но ещё живым.

Взяла её в руки и попыталась прочитать написанное. Но буквы оказались мне не знакомы и даже отдаленно не напоминали ни один известный мне алфавит.

– Ничего не трогай! – раздался голос за спиной.

Я резко обернулась. В дверях стоял Глеб. Лицо было хмурым. Он молча подошёл, выхватил листок из моих пальцев и бережно вернул его на место.

– То, что я принес тебя сюда, ничего не значит, – сказал он, разглядывая, всё ли в его беспорядке на своем месте.

– Я думала, ты бросишь меня в каком-нибудь переулке, – попыталась я пошутить и немного разрядить обстановку.

– Я так и хотел, – ответил Глеб. Тон его был серьезен. – Но если бы я потащил девицу из борделя в переулок, меня бы не так поняли. Это не те проблемы, которые мне нужны.

– Я не из борделя! – разозлилась я.

Глеб поморщился от моего вскрика и перевел взгляд со стола на меня. Серые глаза казались такими холодными, что по моей спине пробежали мурашки.

– Если ты пришла в себя, просто уходи, – сказал он, не желая продолжать разговор.

Конечно, этот совет был очень кстати. Если бы не одно “но”, которое все портило.

Я покосилась на окно, за которым был всё тот же незнакомый мне город. На газетную заметку с неизвестными буквами. На странную мебель на кухне, которая выглядела как старинная, но была абсолютно новой.

– Я не знаю, куда мне идти, – озвучила свои мысли. – Не знаю, как здесь оказалась и как теперь вернуться домой.

Глеб медленно поднял бровь, обдумывая мои слова. Затем криво улыбнулся и смерил меня насмешливым взглядом.

– Так ты не знаешь, куда идти... – протянул он, словно пробуя эту фразу на вкус. Затем качнул головой, снова усмехнувшись. – Ну, конечно. И теперь у тебя нет ни единого варианта, кроме как остаться дома у понравившегося мужчины.

Вспыхнула, поняв его намёк:

– Ты серьезно думаешь, что это из-за тебя?

Глеб пожал плечами, явно не веря ни единому моему слову.

– Девушки иногда придумывают странные причины, чтобы быть с женщиной.

– Но не я! – огрызнулась я.

Хоть моя причина мне самой казалась фантастической. Кто поверит, что я провалилась сюда из другого мира после столкновения с самокатчиком?

Но Глеб уже потерял ко мне интерес. Посмотрел на стол, нахмурился и о чем-то задумался.

– Ага, – рассеянно ответил мне и повернулся к плите.

Налил кофе из турки в чашку, всё ещё погруженный в свои мысли, и поднес её к губам. И только тогда будто вспомнил обо мне.

– Кофе будешь? – спросил он, убирая кружку ото рта.

Сердито посмотрела на него, но отказываться от гостеприимного жеста не стала. Пусть я выгляжу навязчивой, но я черт знает где и единственный знакомый мне человек – этот гад с насмешливым взглядом.

– Черный без сахара, – озвучила свои предпочтения.

Глеб почему-то улыбнулся и протянул мне свою кружку. А сам снова повернулся к плите, чтобы сварить новую порцию кофе.

Свои мысли про гада решила изменить в лучшую сторону. Он гад, но только наполовину.

Сжала кружку и села на стул возле подоконника. Надо было как-то начинать разговор, но я не знала, что сказать. Да и как объявить незнакомому мужчине, что мне нужно пожить у него неопределенное время? Учитывая мой уровень знаний об этом мире – очень сильно неопределенное.

– Так откуда ты? – Глеб начал разговор первым.

Наверное, также, как я хотела остаться у него, он желал меня спровадить.

Я назвала город. Глеб поднял бровь и усмехнулся. Конечно, он не поверил мне.

– И где же это место находится? – поинтересовался он.

– Можешь считать меня сумасшедшей, – вздохнула я. – Ничего вразумительного я все равно не смогу сказать.

– Я уже так и считаю, – спокойно ответил Глеб. И наконец поинтересовался: – Ладно, а как ты оказалась в том переулке рядом с трупом?

Ответила не сразу. Это, должно быть, прозвучало бы странно. Но, кажется, у меня не было выбора.

– Я шла домой, – начала я. – Меня сбил самокат. Я упала и ударилась головой. А очнулась уже... там. Я хотела позвать на помощь и искала телефон.

Глеб удивленно вскинул бровь.

– Телефон на трупе?

Я открыла рот, но не смогла выдать ни слова.

До меня только что дошло, в какую историю я вляпалась.

Это всё по-настоящему. Я в другом мире. Здесь у меня нет ни знакомых, ни дома. Нет ничего.

А главное – кроме меня некого подозревать в убийстве самокатчика.

Сердце гулко забило в ушах, пальцы задрожали. Я поставила кружку на подоконник, боясь её уронить – у Глеба с посудой и так было не густо.

Глеб вдруг резко выпрямился, поставил кружку и подошел к столу. Схватил блокнот и выудил из-под бумаг короткий карандаш.

– Так... – пробормотал он и стал что-то записывать.

Я подошла ближе. Может, он что-то понял о моем появлении здесь? Но неизвестные буквы в его исполнении выглядели ещё более непонятными.

– Как тебя зовут? – не отрываясь от страницы, спросил он.

– Полина, – растерянно ответила я. – Полина Морозова.

Карандаш снова заскользил по бумаге. Глеб старательно выводил моё имя. Затем пристроил лист из блокнота среди других записей. Полюбовался на результат. Затем нахмурился и снова схватил его.

– Черт... – прошипел себе под нос. – Ничего не сходится.

Раздраженно скомкал лист и бросил в угол.

– Пойдем, – коротко бросил он.

Направился к двери, но вдруг остановился, обернулся и смерил меня оценивающим взглядом. Я застыла на месте, не зная, что мне делать. А он вдруг махнул рукой.

– Нет, – сменил он решение. – Остаешься тут.

Зашел в комнату, где я очнулась. Замер на миг, увидев фото. Поморщился и снова убрал его. Достал из-за книг небольшую жестяную коробочку.

– Там заживляющая мазь. Намажь, – он поводит рукой возле своего лица, намекая на мой разбитый нос.

Озадаченно приняла коробочку. И посмотрела на Глеба. Недавно он отправлял меня в бордель. А это намек, что я могу остаться?

– Там ванная, – кивнул он в сторону ещё одной двери. – Только не трогай здесь ничего.

Я кивнула.

– Поняла? – сказал он уже жестче. – Ни к чему не прикасайся. Ничего не переставляй.

Я ещё раз кивнула. Трогать вещи в чужом доме неприлично.

Глеб натянул плащ и вышел, захлопнув за собой дверь. Через секунду в замке щелкнул ключ.

С щелчком замка приличия растворились. Первым делом я вернулась в комнату и достала фото. Что с ним не так? Все дело в нём самом или в девушке? Она выглядит так же, как и все женщины в этом мире – платье с высоким воротником, темные волосы уложенные в аккуратную причёску и причудливая шляпка. На губах улыбка, но взгляд не разобрать – фото не очень четкое.

Убрала фото на полку, чтобы не раздражать хозяина. Имела ли я право удовлетворить свое любопытство и узнать, кто эта девушка? Наверное, нет. О таких вещах говорят только близким. Я же использую Глеба, а он... Я ему вообще не нужна.

Вышла в прихожую и оглянулась. Кроме двери, ведущей в ванную, из неизвестных мне была ещё одна. Приоткрыла её и осторожно заглянула внутрь. За ней ожидаемо оказалась спальня. Внутри письменный стол, шкаф с замысловатыми медными ручками и заправленная кое-как кровать.

Я отступила и закрыла дверь. От чего-то неудобно было тревожить личное пространство хозяина квартиры. Да, кажется, только что во мне любопытство уступило место совести.

И я всё-таки воспользовалась советом Глеба и зашла в душ. Всё казалось привычным, хоть и устаревшим. Вот только кран всего один – и как сделать воду теплее?

Выше на трубе яркий, чуть светящийся кристалл. Осторожно открыла воду, и за стеной что-то загудело и заскрежетало. Вода оказалась прохладной. Я поёжилась под холодными струями и постаралась не обращать внимания на звуки за стеной. Так и должно быть, верно? Не сдержала любопытства и коснулась пальцами кристалла.

В то же мгновение вода стала ледяной. Я вскрикнула и отскочила. Это что, местный водонагреватель?

Кое-как справившись с ним, я наконец помылась. Посмотрела на свою одежду – она была в ужасном состоянии. Мне пришлось повалиться на асфальте, а на топе засохло несколько капель крови из разбитого носа. Я выстирала его. А потом вдруг поняла, что другой одежды у меня нет.

Осторожно выглянула за дверь и быстро добежала до спальни, надеясь, что Глеб не вернулся. В шкафу было не очень много вещей, но чистую рубашку я нашла. Торопливо натянула её, и только тогда успокоилась.

Одежда Глеба пахла мылом и каким-то парфюмом. Я чувствовала себя странно, но успокоила себя тем, что он не предложил мне даже халат. Так что плохого в том, что я взяла его рубашку? Пусть мы и чужие друг другу.

С этой мыслью вернулась на кухню. Лучше буду ждать его здесь. И мой взгляд упал на скомканный лист в углу.

Подняла записку и развернула. Он писал что-то обо мне.

Взяла карандаш, села к подоконнику и попыталась расшифровать запись. Так или иначе, мне нужно научиться хотя бы читать. Почему не сделать это по записке с моим именем? Тем я и занималась до возвращения хозяина квартиры, допивая остывший кофе и пытаюсь разобрать почерк Глеба.

Вздрыгнула, когда ключ повернулся в замке. И чуточку напряглась, когда Глеб появился на пороге кухни. Он окинул меня холодным взглядом и сказал:

– Я же сказал тебе: ничего не трогать!

Кажется, он был зол из-за рубашки.

– Мне нужно было остаться голой? – огрызнулась я.

– Лучше бы так и сделала, – насмешливо ответил он и протянул мне сверток.

Внутри оказалась женская одежда. Простая, но добротная. Всё, начиная от рубашки и широких, похожих на юбку, брюк до нижнего белья. Я даже немного смутилась.

– Должно быть твоего размера, – пояснил Глеб. – Переоденься.

Его взгляд упал на записку. Он взял её в руки и спросил:

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь научиться читать, – честно ответила я.

Я почти слышала, как в его голове закрутились шестеренки, пока он разглядывал мою расшифровку букв и обдумывал новый факт обо мне.

– Так ты не сумасшедшая, – он наконец вынес свой вердикт. – Это к лучшему.

Я фыркнула и ушла в комнату с диваном, чтобы переодеться.

– Одевайся быстрее! – крикнул он мне вслед. – Пока я не передумал тебя вытаскивать из дерьма, в которое ты вляпалась.

ГЛАВА 3.

Когда я вышла готовая к приключениям, Глеб ждал у двери, нервно постукивая пальцами по косяку. Недовольно посмотрел, как я натягиваю чужеродные в этом мире кроссовки. А потом вдруг сказал:

– Почему ты не воспользовалась мазью, которую я тебе дал?

Я вспомнила, что оставила коробочку на книжной полке. Хотела взять её, но Глеб меня опередил. Он сам выудил нужную баночку и нанес мазь на нос.

Это было как-то слишком... лично. И я со стыдом подумала, что подвела его доброе отношение ко мне. А оно было доброе, несмотря на его мерзкий характер.

– Я не знаю букв, – стала оправдываться я.

Действительно, что было бы, перепутай я заживляющую мазь с чем-нибудь еще? Поморщилась, когда мазь неприятно зашипала. Но когда это ощущение прошло, даже дышать стало легче.

– Девушкам не идут синяки, – наставительно сказал Глеб и распахнул дверь, приглашая меня покинуть его квартиру.

Неуверенно шагнула на лестничную площадку. А Глеб закрыл дверь и стал первым спускаться по узкой лестнице.

– Мы вернемся в тот переулок, – начал говорить он, уверенный в том, что я иду за ним.

– Посмотришь на то место ещё раз. Может, вспомнишь, что ты видела.

Всё, что я могла вспомнить, как шаррахнула полицейского электрошокером и пыталась сбежать. Холодок пробежал по спине, когда я в очередной раз осознала, что это было по-настоящему. Не удивительно, что они так на меня злились.

– А если я ничего не вспомню? – неуверенно спросила я.

– Значит, попробуем по-другому, – Глеб пожал плечами. – Ты лишнее звено в этой цепочке. Мы должны доказать, что ты там оказалась случайно, или понять, какая связь между этим делом и твоим появлением. Хотя... – Глеб резко остановился и повернулся ко мне. Я едва не врезалась в него. – Может, ты ударила его ножом, чтобы отомстить за то, что он тебя сбил?

Он стоял на ступеньку ниже меня, поэтому наши лица были на одном уровне. Наглая улыбка раздражала, но взгляд был внимательным. Конечно, он ждал, что я отвечу ему. Вздёрнула подбородок, давая понять, что ему меня не смутить.

– Я похожа на того, кто стал бы убивать невнимательного самокатчика?

– Отчёт Фонарёва говорит о том, что ты способна и не на такое, – ответил он, не сводя с меня цепкого взгляда.

Смогла только фыркнуть в ответ.

– Но ты же сам сказал ему, что это не так, – напомнила ему. И сменила тему: – Что за дело, которому я так мешаю?

– Тебя это не касается, – процедил он, отвернулся и продолжил спускаться.

– Конечно, не касается, – буркнула ему в спину. – Это же не меня обвинили в убийстве.

Он ничего не ответил, а мне пришлось поспешить, чтобы не отстать.

Мы вышли на улицу, и Глеб остановился у припаркованного самоката. Теперь я могла разглядеть эту бандуру поближе. То, что я в прошлый раз приняла за фонарь, было ничем иным, как таким же чуть светящимся кристаллом, какой я видела у Глеба в душе.

– Запрыгивай, – сказал Глеб, вставая на самокат и предлагая занять место позади него.

Ехать на этой машине смерти? Да ни за что!

Я в ужасе отступила.

– Я не поеду на этом.

– Что не так? – удивился Глеб.

– Я-а... лучше пойду пешком, – заявила я, уже понимая, что самокаты – электро или работающие на этих магических кристаллах – стали моим кошмаром.

Кто знает, может, я прежде, чем попасть сюда, вообще умерла из-за этой штуки? И жертва не только тот мужик.

– У нас нет времени, детка, – Глеб чуть наклонился и протянул мне руку, нетерпеливо пошевелив пальцами. – Тебе всего-то нужно прижаться ко мне на полчаса. Ничего страшного не случится, я обещаю.

Между обниматься с Глебом и ехать на самокате я бы не выбрала ничего. Ну а смесь этих действий и вовсе вызывала ужас. Хотя нет, самокат пугал больше.

– Я не поеду, – повторила я.

Глеб закатил глаза, но продолжил уговаривать.

– Ты разгуливала по городу полуголая, а теперь стесняешься? Эй...

Кажется, этот бесчувственный придурок подумал, что дело в нём.

– Я не могу, – я не справилась с волнением, и мой голос дрогнул.

– Ты не можешь... потому что?.. – раздражение в его голосе смешалось с замешательством.

Я прижала ладони к лицу, но не смогла сдержать слез.

– Я боюсь, – призналась я, чтобы он от меня наконец отстал. – Самокат сбил меня. Наверное, я умерла, и поэтому оказалась здесь. И тот мужчина тоже...

К своему стыду я разрыдалась. Но страх перед самокатом был таким, что рациональное забилося куда-то в угол и притворилось, что его нет. Это другой самокат, но... он был так же ужасен, как и любой другой.

Услышала, как Глеб тяжело вздохнул и выругался. А потом на удивление мягко сжал мой локоть и развернул в другую сторону.

– Ладно, не реви, – буркнул Глеб и неуклюже погладил меня по плечу. – Доедем на чем-то еще.

Я даже не сразу поняла, что он только что уступил.

Глеб шагал быстро, я едва успевала за его шагом. Осознание, что мне не нужно подходить к его самокату, позволило мне успокоиться. Но каждый раз, когда мимо нас проносился очередной самокатчик, я снова испытывала ужас и прижималась ближе к нему.

Это успокаивало гораздо больше, чем слова, которые я повторяла себе: тысячи людей ездят на них, столько же ходят вдоль дорог. Никто из самокатчиков не ищет повода наехать на меня.

– Да сколько можно на меня вешаться? – не выдержал Глеб, когда я в очередной раз схватила его за рукав. – Может, ты ещё будешь орать и просить о помощи?

– Прости, – пробормотала я и отпустила его руку.

Но через секунду снова вздрогнула от звука колёс, и он взял меня под руку.

– Так-то лучше, – протянул он. – Если уж ты решила ко мне липнуть, я могу притвориться, что мне это нравится.

Одарила его убийственным взглядом. Но так я смогла наконец успокоиться. Он высокий, заметный издали – если что, его собьют первым.

Теперь, когда паника отступила, я смогла оглядеться. Этот город напоминал индустриальный мегаполис начала двадцатого века, но с поправкой на магию. Дома в три-четыре этажа с парадными фасадами, узкие арки, ведущие во внутренние дворы, и трубы заводов, возвышающиеся над крышами.

Только вот уличные фонари светились благодаря магическим кристаллам, а повсюду работали механизмы непонятного назначения. Огромные шестеренки медленно крутились, иногда поскрипывая. Я даже подумала, что за стеной душа слышала именно звук механизма, подающего на этаж воду.

На магазинах и конторах таблички на незнакомом языке. На дорогах среди редких старинных машин самокаты несли людей, своей одеждой похожих на сбежавшие музейные экспонаты. Я заметила даже двух техномагов, принадлежность к которым мне приписывали. Они выглядели так, будто сошли со страниц стимпанк-романа: ремни, приборы, странные механизмы на запястьях.

– Купили лицензию, а в самих магии едва хватит на что-то серьезное, – буркнул Глеб в ответ на мой вопрос о них. – Нормальные свой дар не демонстрируют. Да ты ведь и сама техномаг, нет?

Он посмотрел на меня, а я рассеянно кивнула, хоть мой электрошокер не имел ничего общего с магией.

Автобус пришлось ждать долго. За это время я успела как следует изучить все вокруг, а Глеб – окончательно потерять терпение.

– Поэтому никто не ездит на автобусах, – с раздражением пробормотал Глеб, когда автобус наконец подъехал. – Вот почему, почему нельзя было бояться чего-то нормального? Хотя бы пауков или мышей.

Я промолчала. Люди не выбирают, от чего им впадать в ужас.

Автобус, как и все вокруг, выглядел как раритетная многоместная карета. Но, конечно, был намного комфортнее и безопаснее двухколесного монстра. Вскоре он довез нас до нужного места, хотя пару улиц пришлось пройти пешком.

Наконец мы зашли в переулок. Он почти ничем не отличался от того, по которому я иногда ходила домой. Разве что под окнами не висели вентиляторы кондиционеров. Даже присутствовала надпись на стене. Три буквы нанесенные краской были легко узнаваемы на любом языке.

Казалось, стоит мне пройти по нему и выйти на противоположную улицу, я смогу оказаться дома.

Я так и сделала. Бегом пересекла переулок. Но мир вокруг меня остался прежним. А язвительный голос за спиной напомнил, зачем мы сюда пришли.

– Ну? Вспоминаешь что-нибудь?

– Упал, потерял сознание, очнулся... труп, – процитировала я героя из фильма.

– И что это значит? – Глеб вопросительно поднял бровь, не оценив шутки.

– Это значит, что ничего нового я не скажу, – ответила ему. – Меня сбил самокатчик. А когда я очнулась, он был уже мертв.

– Значит, ничего... – задумчиво протянул Глеб и нахмурился.

Он присел на корточки ровно возле того места, где лежал убитый самокатчик, и осматривал все вокруг так, как будто переулок не был пуст, а тело погибшего и его средство передвижения лежали тут. Провел пальцами по плотно уложенной брусчатке, которую я в тот вечер приняла за асфальт. Потом встал и осмотрел переулок, будто видя проходящих несколько дней назад людей.

– Ты правда веришь, что это не я убила его? – на всякий случай уточнила я.

Потому что уже сама в себе сомневалась. Ну а что, если я всего лишь этого не помню? Или мысли материальны?

– Ты не могла этого сделать, – ответил Глеб. И стал рассуждать: – Андрей Лебедев был убит ударом ножа в грудь. Судя по высоте и силе удара, нападавший был как минимум на полголовы выше тебя. И вряд ли это была женщина. Вокруг тела не было крови, значит, умер он до того, как оказался в переулке. В самокате рядом с ним поддельная магическая батарея. Вероятно, так убийца хотел замести следы – взрыв поддельной батареи не самая редкая причина смерти. Особенно если ты настолько умен, чтобы купить её на чёрном рынке и надеяться, что всё пройдет гладко. Но такой человек, как Лебедев, не стал бы пользоваться подделкой... Но даже если так, или убийца хотел подставить кого-то другого, что мог бы заменить батарею...

Слишком много “если”. В любом случае, он не смог это закончить, ему на голову свалилась жертва магического эксперимента.

– Что? – переспросила я. Кажется, последние слова были обо мне. – То есть я уже не девица из борделя?

– Техномаг, который скрывает свое имя от полиции, придумывает несуществующий город и заявляет, что ничего не помнит. Закрытый научно-магический городок? – он с пониманием посмотрел на меня.

Я подумала о том, какая из предложенных ролей для меня безопаснее. Хотела согласиться, но во мне выиграло чувство справедливости и невероятная честность. Да и как я смогу вернуться домой, если мы не станем искать причин моего появления здесь?

– Но я сказала правду... – начала я.

– Так, подожди, ты правда думаешь, что я поверю в этот бред про другой мир? – он вскинул бровь, будто я выглядела наивной дурочкой, пытавшейся отрицать очевидное. – Просто кивни, если я прав, и можешь ничего не рассказывать.

Я кивать не стала. Он снова фыркнул и отвернулся.

– Пойдем, нам нужно собираться на похороны, – бросил он и пошел к выходу из переуллка.

– На чьи? – я поспешила за ним.

– Ну не на твои же. Хотя на всякий случай проверь, не заказал ли кто-то место и для тебя, – а потом пояснил: – Посмотрим, кто из близких покойного особенно рад его смерти.

ГЛАВА 4.

Я не знаю, что Глеб имел в виду под словами “собираться на похороны”. Точно не то, что считают обычные люди. Сначала мы вернулись в его квартиру. Он больше не пытался объяснить происходящее и думал о своем. Я не лезла с вопросами.

Скинув обувь, он прошел на кухню и уткнулся в свой бардак на обеденном столе. Перебирал заметки и вырезки из газет, перекладывал фотографии и что-то бормотал под нос. Происходящее слабо походило на подготовку к печальному событию.

Я потопталась рядом, не зная, что делать. Сесть на диван? Запереться в ванной? Уткнуться лицом в подушку и рыдать?

– Эм... А что мне делать? Я могу помочь? – привлекла его внимание.

Глеб посмотрел на меня так, будто был удивлен моему присутствию.

– Нет. Похороны завтра. Посиди и подумай, может, вспомнишь что-нибудь важное.

Он снова отвернулся к бумагам и стал делать пометки в блокноте. Потом задумчиво уставился в одну точку. Я же оглядывалась, пытаюсь придумать себе занятие и быть хоть капельку полезной.

– Завари кофе, – вдруг сказал Глеб. – Вон там, в жестяной банке.

Он указал на полку и снова уткнулся в записи. Я же поспешила выполнить поручение. Это лучше, чем быть обузой. К счастью, газовая плита оказалась самой обычной. И спички, лежащие рядом, ничем не отличались. Уже через несколько минут я подала Глебу чашку с кофе. Он принял его, и я улыбнулась. Пока он думает, как спасти мою жизнь, я могу немного облегчить его будни.

С этим настроением даже смогла сделать ужин. Закончив с ним, Глеб сказал:

– Ладно, можешь пока пожить у меня.

Сытый мужчина – добрый мужчина. Даже к такому мерзавцу, как Глеб, это относится. Покосилась на темнеющую за окном улицу и подумала: стал бы он меня выгонять в неизвестность?

Глеб разрешил мне спать в комнате на диване. Это могло показаться великодушием, но уже через пару часов стало понятно: диван был настолько неудобным, что его можно было считать орудием для пыток. Я почти не сомкнула глаз и проснулась с ощущением, будто меня снова переехал самокат.

Увы, долго валяться мне не дали. Глеб без стука распахнул дверь и громко сказал:

– Вставай. Перед похоронами нужно заскочить в магазин. На церемонии прощания с владельцем фабрики мы должны выглядеть соответствующе.

Я не сразу поняла, что труп в переулке принадлежал крупной шишке. А когда поняла, внутри всё похолодело: это мне ещё повезло, что Глеба в полиции послушали.

Магазин, куда привел меня Глеб, соответствовал духу этого мира и времени. На манекенах разместились замысловатые платья, плащи, перчатки, зонты с резными ручками. Одежда выглядела изысканно и точно была дороже тех вещей, что Глеб принес мне раньше. Казалось, что каждое платье так и шептало: «Дорогуша, надевай перчатки прежде, чем прикасаться к тканям».

Продавщица окинула нас оценивающим взглядом. Оценила она нас так, как видела: двое бродяг в лавке для богатых. Я очень хорошо знала этот взгляд консультантов из дорогих бутиков.

– Чем могу помочь? – сказала она тоном “тут вам ничего не подойдет”.

– Добрый день. Вид у вас такой серьёзный, что я бы доверил вам не только гардероб, но и счёт в банке, – протянул Глеб, понижая голос до почти интимного. – Но сейчас мне нужно

кое-что попроще. Два комплекта: мужской и женский. Строгие, черного цвета. Для траурного мероприятия. Только... нам на один день.

– Мы не сдаём вещи в аренду, – ответила женщина. Но голос её неуверенно дрогнул.

– Но вы ведь можете сделать исключение? – Глеб наклонился ближе к ней и заглянул в глаза. – Мы вернем всё без единой складки. Обещаю, ни одна пуговица не пострадает. Я буду вашим должником. Уж поверьте – это не худшая сделка.

Продавщица не сводила с него глаз. Глеб будто гипнотизировал её. Взгляд женщины стал мягче.

– Поверьте, это очень важно. Вы спасете наши жизни, если согласитесь на это. Я, конечно, оставлю залог...

– Ну... на один день, – вдруг сдалась женщина. Это магия такая? – Но вы будете аккуратны.

– Прослежу за этим лично и с благодарностью, – заверил Глеб. Он не просто улыбался, а одной улыбкой обещал собеседнице весь мир.

Когда она скрылась в подсобке, я подошла к нему и прошептала:

– Ты что, умеешь быть милым?

– Мы едва познакомились, а ты уже ревнуешь? – он посмотрел на меня. Но за улыбкой не скрывал цепкого взгляда. Наблюдал за моей реакцией?

– Нет, – коротко ответила я.

Он хмыкнул, услышав в моем ответе “да”. Но одарил вернувшуюся продавщицу такой улыбкой, что смутилась даже я.

А Глеб опасный человек, если способен так манипулировать людьми.

Женщина провела нас к примерочным и с тревогой передала мне комплект одежды, будто осознав на мгновение, что совершила ошибку. Я скрылась за занавеской и теперь пыталась разобраться в куче оборок, пуговиц и ремешков. И поняла, что даже одежда в этом мире издевалась надо мной.

Я честно пыталась понять, что и к чему нужно пристегнуть. Та одежда, что принес мне Глеб раньше, казалась простой, а здесь можно было погрязнуть навеки в куче завязок и застежек.

– Ты там ещё долго? – раздался голос Глеба. – У нас мало времени.

– Как только справлюсь с пол сотней застежек, так сразу, – буркнула я.

Занавеска вдруг сдвинулась, и Глеб вошёл внутрь. Сам он уже был одет в черный костюм, который ему удивительно подходил – Глеб даже перестал быть похожим на бандита.

– Ты охренел?! – я попыталась прикрыть все самые важные места.

Но Глеб протянул ко мне руки и принялся застегивать на мне одежду.

– Расслабься, – пробормотал он. – Я и так уже видел больше, чем положено. Я просто помогу.

У Глеба получилось с первой попытки, как будто он не раз это делал. Его пальцы уверенно прошлись по пуговицам и замысловатым застежкам. Части костюма быстро заняли положенные им места. Я поняла, что самостоятельно с этим ни за что не справилась.

Проблема была в другом: всякий раз, когда его пальцы скользили по ткани, они задерживались на моем теле дольше, чем это казалось необходимым. А ладони то и дело проверяли, достаточно ли плотно на мне сидит та или иная деталь гардероба.

“Он просто помогает, – повторяла себе я. – Просто застегивает. Просто... лапает, сволочь такая!”

– Признайся, ты пользуешься моментом, чтобы облапать меня, да? – не выдержала и процедила я сквозь зубы.

Он засмеялся. В глазах будто читалось “я знаю, как это выглядит, но это весело”. А ведь он точно знал, что делал. И с одеждой. И со мной.

– Поверь, я не стал бы так поступать с приличной девушкой, – сказал он, затягивая последнюю ленту. – А ты, Полина, увы... слишком подозрительная, чтобы быть приличной.

Хотела было возмутиться, но он отступил из примерочной.

– Не дергайся и веди себя достойно. Ты должна выглядеть как девушка из высшего общества, а не из...

Он не договорил и повернулся к продавщице, чтобы рассчитаться за одежду и отвесить ей полсотни комплиментов. Я же едва сдерживалась, чтобы не высказать ему прямо здесь всё, что думала.

Мы вышли из магазина и поспешили дальше. Он снова привел меня к своему самокату. Посмотрел на него, на меня, не дожидаясь моей реакции, выругался и потащил меня к автобусной остановке.

– Так даже лучше, – бормотал он себе под нос. – Кто едет на похороны на самокате?

В этот раз нам снова повезло. А может быть, харизма Глеба подействовала и на скорость транспорта. Автобус приехал быстро и умчал нас по нужному адресу. Остаток пути проделали почти бегом. Я даже испугалась, что мы не выполним обещание сохранить одежду в целостности и что-нибудь запачкаем или порвем.

Но обошлось.

Вскоре мы прошли на огороженное кованной оградой кладбище. Сюда со всех сторон стекались люди. Разные – от простых зевак до интеллигентных дам и мужчин. Тогда я поняла, зачем Глеб так заморочился с одеждой – наш вид оказался пропуском в первые ряды к тем, кто, кажется, был близок с покойным.

Моё знакомство с покойником было коротким: я видела его второй раз, в обе встречи он был мертв. Потому взаимной симпатии друг к другу мы не испытывали. Но я все равно попыталась изобразить скорбь.

Людей собралось много. Глеб тихо рассказывал о тех, кого видел здесь. Руководство фабрики, представители Гильдии техномагов и даже чиновники – все они, как оказалось, знали этого человека. Поёжилась, представив: что было бы, знай они, кого первым заподозрили в убийстве?

Вдова убитого появилась позже нас.

– Наталья Лебедева, – Глеб шепотом прокомментировал её появление. – Жена покойного. Теперь – вдова. До ужаса эффектная, да?

Платье на ней хоть и соответствовало местной моде, но подчеркивало фигуру – тонкую талию, пышную грудь и округлые бедра. Идеальное лицо, чуть скрытое вуалью, пухлые губы, покрытые вишневой помадой, изящные движения. Безусловно, покойный знал толк в красивых женщинах.

Она подошла к его гробу и тихо произнесла несколько прощальных слов. Нырнула рукой, затянутой в кружевную перчатку, под свисающую со шляпки вуаль и промокнула платком уголки глаз.

Мне она не казалась сильно расстроенной произошедшим. А может, она так боялась испортить макияж, что не выражала своих эмоций возле покойного мужа.

– Она не выглядит, как скорбящая вдова, – сказала Глебу.

– Хорошо держится, – отозвался он. – Такой женщине не пристало прилюдно рыдать.

– А как вы познакомились с Андреем Лебедевым? – обратился к Глебу пожилой мужчина рядом, прерывая наш разговор.

И Глеб отошел, чтобы побеседовать с ним и другими людьми. Понятно было, что половина гостей пришла для того, чтобы пообщаться и обзавестись новыми связями, а не проститься с тем, кому уже всё равно.

Я осталась одна и осматривалась по сторонам. Лица людей были мне незнакомы – да и откуда бы? Но вдруг заметила человека, который будто выбивался из всех. Он был молод и

хорошо одет, тогда как здесь находились в основном люди постарше. Но выделяло его выражение, с которым он смотрел на Наталью – оно выдавало близкого человека. При этом он стоял в задних рядах, будто пришел сюда случайно.

Кажется, Наталья тоже заметила его. Их взгляды встретились, её пальцы на платке сжались чуть крепче. Мгновение, и она снова смотрела на гроб. Но мне хватило этого момента, чтобы понять: между этими двумя что-то было.

Церемония заканчивалась. На крышку гроба упали первые комья земли. Глеб вернулся ко мне, встал рядом и стал смотреть, как работники “последнего пути” резво работали лопатами.

– Ну, – сказал он, – Теперь ты знаешь, как выглядит половина элиты Копперграда. Поверь, это позволено не каждому.

– Я кое-что заметила, – ответила я, игнорируя его сарказм, и указала на увиденного человека. – Вон тот мужчина. Я думаю, что это любовник Натальи.

– Почему ты так решила? – спросил он, взглядом выцепив красавчика из толпы.

– Он слишком молод, чтобы быть компаньоном погибшего. Слишком хорошо одет, но не чувствует себя здесь своим – значит, не чей-нибудь сынок. Все это время он стоит один и ни с кем не общается. Пришел сюда один? Его узнала только Наталья. Она хорошо прячет эмоции, но заволновалась, когда увидела его.

Глеб ничего не сказал на мои умозаключения, но несколько секунд разглядывал мужчину. Похороны закончились. Люди потянулись к выходу, переговариваясь между собой. Подозрительный тип торопливо нырнул в толпу, кинув последний взгляд на Наталью, и затерялся.

– А ты права, – задумчиво протянул Глеб. – Кажется, этот красавчик знает, как наша вдова выглядит без шляпки и корсета.

Он медленно кивнул сам себе, его глаза уже блестели холодным интересом. Потом посмотрел на Наталью, которая общалась с гостями, принимая их соболезнования. И весело, будто речь шла про анонимный подарок, а не об убийстве, добавил:

– У нас есть первый кандидат в список тех, кто мог желать смерти Лебедева. А ты не так бестолкова, как казалось.

Он достал блокнот и что-то быстро нацарапал в нем коротким карандашом. Схватил меня за руку и потащил к выходу.

– Пойдем, – коротко бросил он. Потом вдруг лукаво посмотрел на меня и сказал: – Детка, считай, что ты официально принята в штат.

– Что? – удивилась я. Это он меня так похвалил?

– Если продолжишь в том же духе, я даже разрешу тебе угнать самокат.

Награда достойная, ничего не скажешь, а главное, мне это очень нужно.

Но Глеб уже снова смотрел на Наталью. Она вела себя сдержанно и благородно, говорила с сочувствующими, иногда промакивала глаза платком, идеально играя роль опечаленной смертью мужа вдовы. Но ни разу по-настоящему не заплакала.

Я ждала, когда снова появится тот молодой мужчина. Заговорит ли он с ней? Или их связь так и останется тайной для всех?

Внезапно к воротам подъехал автомобиль. Глянцево-черный капот был украшен каким-то причудливым гербом и обрамленными медными кольцами фарами. Кабина закрыта, хоть дождя не было – пассажира внутри не разглядеть. Колёса – огромные, со спицами цвета отполированного золота, почти как у кареты.

Наталья посмотрела на приехавшего. Всего мгновение заминки, заметное лишь для того, кто смотрел. Она торопливо попрощалась с гостями и подошла к машине. Дверь перед ней распахнулась, позволяя скрыться внутри.

Глеб прищурился.

– А Наталья ведет себя довольно... смело, – заключил он.

– Она уехала с ним? – спросила я.

– Нет, – Глеб покачал головой. – Это не уровень любовника светской львицы – слишком дорого для него. И точно не то, что оставил ей муж.

В марках местных машин я не разбиралась, пришлось поверить на слово.

– То есть...?

– То есть, – Глеб выдохнул, доставая блокнот и делая короткую пометку. – Кто-то ещё играет в эту игру. И ставки растут. А это уже интереснее.

ГЛАВА 5.

Мы вернулись домой, предварительно сдав одежду. Продавщица поохала, когда обнаружила на ткани несколько пятен грязи. Но Глеб что-то промурлыкал ей, и она ему все простила. Сделала в голове пометку: если Глеб говорил что-то хорошее, это не значило, что он прав.

Дома Глеб снова склонился над своими пометками и вырезками, весь вечер переключал их и что-то бормотал себе под нос. Нашел где-то фото Натальи, изобразил её любовника на вырванном из блокнота листе. Добавил третьего неизвестного – того самого, что увез вдову.

А я наконец почувствовала, в чем заключался мой левел-апп в общении с Глебом: вместо иждивенки я стала штатной кофеваркой. Он потребовал кофе один раз, второй... Протягивал руку к кружке не глядя, я послушно вкладывала ручку в его ладонь. После пятой кружки я почувствовала подвох.

Потом пощелкал пальцами, разглядывая результат своих трудов. И начал говорить вслух, уверенный, что я его слушаю.

– Андрей Лебедев – один из немногих фабрикантов, который честно соблюдал договор с Гильдией техномагов. Фабрика Лебедевых потому уже не одно поколение остается одной из крупнейших фабрик страны. Он не продает технологии на черный рынок, а среди инженеров фабрики строжайшая дисциплина. Он получал новейшие технологии от Гильдии одним из первых.

Если бы он был одним из тех, кто подделывал магические батареи, его смерть легко можно было бы объяснить. Убрали конкуренты, чтобы он не разоблачил остальных? Но Лебедев никак не был связан с этим делом – я проверял.

Однако убийство накануне крупной сделки – это не то, что можно оставить без внимания. Никаких зацепок. Много тех, кто мог желать его смерти. Но ни одного, кто действовал бы так грубо. И оно не вписывается в цепочку событий...

– А какое дело ты расследовал до убийства? – спросила я, потому что все оказалось уж очень запутано.

Глеб смерил меня задумчивым взглядом и сделал глоток кофе. А потом вдруг спросил:

– Разве не Гильдия техномагов послала тебя проследить за делом о хищении технологий?

Я понимаю, что пропустил все сроки, но...

– Нет, – я перебила его. – Я не из Гильдии техномагов.

– Надо же, третья попытка и снова мимо, – пробормотал Глеб и снова повернулся к заметкам.

Мрачно посмотрела на него. Если этот гениальный сыщик и дальше будет отрицать очевидное, прямо сказанное и несколько раз повторенное, то загадку моего появления в этом мире он не разгадает.

Глеб тем временем продолжал:

– Предположим, что у Натальи и правда был любовник...

– Ты думаешь, тот мужчина – не он? – переспросила я, ведь считала, что моё наблюдение верно.

– Мы предположили это, но пока у нас нет доказательств, – пояснил Глеб. – Если любовник убил Лебедева, чтобы получить его женщину, это могло бы всё объяснить. Он не выбирал время – ему нет дела до сделок фабрикантов. Даже если Наталья знала о планах любовника, то она вряд ли разбиралась в делах мужа, иначе бы не стала срывать сделку... Но то, что случилось на похоронах, делает это дело интереснее. Тот, с кем уехала Наталья, или слишком могущественный, что она не боится осуждения. Или же она слишком боится его, раз поставила под угрозу свою репутацию и ушла с похорон мужа раньше, чем это положено.

– Но как это связано с твоим расследованием? – я посмотрела на непонятные заметки, пытаюсь уловить смысл связи дела Глеба и убийства самокатчика. Мозаика в моей голове пока не складывалась.

– Откуда мне знать? – усмехнулся Глеб. – Но это то, что мы попытаемся выяснить.

Он постоял над своими заметками ещё немного. Ветер из открытого окна сдул несколько листов. Глеб неторопливо вернул их на место и прижал кружкой с остатками кофе.

– Я читал протокол допроса Натальи Лебедевой, – снова заговорил он. – Всё чисто. Ни одного слова, за которое можно зацепиться. Она знала, что говорит и кому говорит. Или в самом деле не причастна к смерти мужа. Но то, что мы видели, меняет дело... Мы должны снова допросить её.

– Думаешь, она расскажет тебе больше?

– Мне она ничего не скажет. Такая, как она, не станет говорить с простым детективом.

Но полиции отказать не сможет.

На следующий день мы снова куда-то пошли. То, что я знала о Глебе, не давало мне уверенности ни в чем. Я готова была даже предположить, что он уговорит парочку полицейских одолжить нам свою одежду, и те, конечно, по какой-то причине согласятся. А потом мы лично отправимся к Наталье.

Я старалась не пугаться проезжающих мимо самокатов и не позориться в очередной раз. Но когда один из них промчался совсем близко с оглушительным ревом, невольно прижалась ближе к Глебу. Он хмыкнул, но ничего не стал говорить.

Вскоре мы подошли к подозрительно знакомому полицейскому участку. Мне повезло видеть его лишь мельком, но здание отпечаталось в памяти, как и все связанные с ним события.

– Мы куда? – на всякий случай уточнила я.

– В участок, – ответил Глеб, не оборачиваясь, и сделал шаг на первую ступень высокого крыльца.

– Снова собираешься обвинить меня в убийстве?

– Учитывая, сколько у тебя секретов, я готов подозревать тебя в чём угодно. Кроме убийства Лебедева, – сказал он, как будто это могло быть смешным.

– Какая прелесть, – буркнула я и поднялась по лестнице за ним.

Он только усмехнулся и открыл передо мной дверь.

В полицейском участке пахло бумагой, чернилами и машинным маслом. Теперь, когда я знала, что нахожусь в другом мире, смогла оценить его иначе. Отметила магические кристаллы на стенах и тихий гул работающих за стеной механизмов.

Несколько полицейских кивнули Глебу, узнавая его. Прошрое его общение с уже знакомыми мне Грозовым и Фонаревым могло дать представление, что с гораздо большим удовольствием они вышвырнули бы Глеба отсюда, чем приветствовали его. Глеб же свободно шагнул в сторону и через одну из дверей прошел в пока незнакомый мне коридор.

Здесь за стойкой сидел ещё один полицейский, видимо, пропускавший внутрь только тех, кого положено. Рядом стоял Фонарёв – он смерил нас взглядом, но ничего не сказал. Долго будет жить, ведь я только вспоминала о нём. А для полицейского это, конечно, хорошая примета.

– У себя? – спросил Глеб, даже не удосужившись уточнить, кого именно имел в виду.

– Ушел на совещание, должен скоро быть, – ответил дежурный, точно зная, к кому мы пришли.

Глеб кивнул и уверенно пошел дальше по коридору. Я засеменила следом, лишь раз оглянувшись на Фонарёва. Тот тоже прожигал взглядом наши спины.

Мы поднялись на второй этаж и зашли в кабинет. Глеб чувствовал себя как дома, совсем не стесняясь, что заявился, даже не постучав.

Сразу было видно, что кабинет принадлежит кому-то важному. На стене карта города, грамоты, несколько фото. У окна большой стол со стопками аккуратно сложенных папок и бумаг, чернильница и несколько перьевых ручек в стакане. На углу телефон. Большой, с диском-циферблатом и огромной изогнутой трубкой – почти как реквизит из старого кино.

Я вспомнила, как оправдывалась, что искала на теле убитого самокатчика телефон. Попыталась представить эту штуку где-нибудь у него в кармане – выглядело это нелепо. Конечно, Фонарёв и Громов смотрели на меня как на сумасшедшую. Я бы тоже так подумала, окажись на их месте.

– Садись, – Глеб указал мне на стул в углу. – Надо немного подождать..

Он обошел стол и уселся в кресло хозяина кабинета. Достал из ящика стопку бумаг, мельком просмотрел, выбрал одну и небрежно сунул себе в карман. Потом, не особо церемонясь, закинул ноги на стол, глядя в потолок с видом человека, которому принадлежало всё это здание.

Я опустила на предложенный стул в углу и пыталась убедить себя, что всё происходящее нормально. Получалось плохо.

– А зачем мы вообще сюда пришли? – спросила я, стараясь говорить не слишком громко. Казалось, что из всех ситуаций, в которых я оказывалась, это самая неловкая.

Глеб помолчал. Будто раздумывал, стоит ли говорить мне об этом. Я почти уже решила, что он проигнорирует вопрос, как делал каждый раз, когда не хотел отвечать, но он вдруг усмехнулся и ответил:

– Алексей – мой бывший напарник. Когда-то мы работали вместе. Потом я ушёл, а он остался и стал важной шишкой. Если мы хотим разобраться с этим делом быстро, он – единственный, кто может помочь.

Я удивилась. Но не словам, которые он сказал, а что вообще рассказал о личном. На все мои прежние вопросы он в лучшем случае отшучивался.

Дверь кабинета распахнулась, и в комнату вошел Алексей.

Он выглядел моложе, чем я ожидала, – максимум лет тридцать пять. Невысокий, но крепкий, с пружинистой походкой и выправкой человека, привыкшего держать ситуацию под контролем. Светлые волосы коротко острижены, форма в идеальном порядке. Глаза – холодные, внимательные и будто говорящие, что ему не нужно повышать голос, чтобы его слушали.

Глеб лениво перевел на него взгляд, как будто вошедший отвлек его от чего-то важного.

– Опять оккупировал мой кабинет? – строго спросил Алексей и остановился напротив своего же стола.

– Радуйся, что без стрельбы, – беспечно ответил Глеб и встал, чтобы принять рукопожатие друга.

Алексей перевёл взгляд на меня, прищурился и с легкой усмешкой кивнул:

– Это она? Та из борделя?

– Ага, – ответил Глеб тем тоном, из которого можно было вынести абсолютно любые выводы: от "она – национальное достояние" до "я сам не понял, кто она такая, но пусть будет".

Я решила не обижаться. Наверное, уже привыкла.

А Глеб уже перешел к делу:

– Слушай, Лёха. Мне нужно встретиться с Натальей Лебедевой. Лично. Желательно не в качестве зеваки.

– Хочешь сам допросить вдову одного из самых влиятельных фабрикантов страны?

– Именно, – Глеб хлопнул ладонью по столу. – Мне нужно увидеть её глаза, услышать, как она врёт. На бумаге она чертовски убедительна.

– Ладно, попробую организовать встречу. Не обещаю быстро, но дам знать, когда, – согласился Алексей, наконец усаживаясь в своё кресло. – Думаешь, она замешана в этом?

– Уверен, – Глеб выпрямился. – Я читал её показания. Она говорила то, что должна говорить. А мне нужно посмотреть, как у неё дрогнет голос, когда я задам правильный вопрос. В её жизни два мужчины, как минимум. Один мёртв, второй пришел на похороны, но держался в стороне. А потом её подбирает третья фигура. Кто-то с деньгами, связями и хорошей машиной.

Алексей тихо выдохнул:

– Кажется, ты впутался во что-то серьезное?

– Что может быть серьезного в краже у Гильдии техномагов магических батарей? – отмахнулся Глеб. – А с трупом дело стало хоть чуточку интереснее.

– Не думай, что я стану вытаскивать тебя, если ты со своими методами попадешь в историю, – пробурчал Алексей. Но мне почему-то показалось, что в этих словах звучало обещание помочь.

– Кстати, – Глеб снова повернулся к нему. – Подпиши временное разрешение. Техномагичке нужен хоть какой-то документ, иначе каждый встречный будет её тормозить.

Алексей вопросительно приподнял бровь:

– И ты хочешь, чтобы я выдал разрешение подозреваемой? Ты серьезно?

– Тогда сделай вид, что я украл его. Можешь даже потом отчитать меня для протокола, – Глеб ухмыльнулся.

– Не смешно, – отрезал Алексей.

– Ну и ладно, – легко согласился Глеб. – Жду от тебя вестей по вдове.

Они обменялись ещё какими-то новостями, и мы вышли из участка. Глеб неторопливо сунул руку во внутренний карман и извлёк оттуда сложенный лист бумаги. Тот самый, что он выудил из бумаг Алексея.

– Держи. Разрешение. Почти настоящее. Надо только заполнить.

– А зачем ты тогда просил подписать его? – спросила я, глядя на бумагу, но не решаясь взять её в руки.

– Он бы не согласился, – ухмыльнулся Глеб. – Но так, когда обнаружит пропажу, будет знать, что украденный бланк попал в надёжные руки.

– А ты точно служил в полиции? – на всякий случай уточнила я. Методы Глеба отличались от законных. Я даже подумала, что зря считала его компанию надёжной.

– Это мой способ быть эффективным, – хмыкнул он и сунул бланк мне в руки. – Пользуйся, пока мы на одной стороне.

Я сжала бумагу, буквально поверхностью кожи ощущая, как она меняет мой статус с "подозреваемой в убийстве" на "соучастницу в подделке документов".

Но он правда верит, что я техномаг? Я задумалась, а есть ли у меня хоть что-то, что могло бы доказать обратное. Вспомнила, что было при мне. Электрошокер и разбитый телефон местные приняли за атрибуты техномага. Мелочи в сумке вроде заколки и помады выглядели, может, не совсем обычно, но вполне уместно в этом мире. Банковская карта – всего лишь кусок пластика, который тем более никого не впечатлит.

– Глеб... – начала я, пытаюсь найти убедительные аргументы в пользу своих слов, что я провалилась сюда из другого мира.

– Только не начинай, а, – поморщился он. – Твои способности нам пригодятся. А если тебе что-то не нравится, я верну тебя Вершинину на передержку.

Я закрыла рот. Вершинин – это Алексей? Может, действительно, пора сбежать к нему? Там хотя бы будет всё по правилам.

ГЛАВА 6.

Мы пошли по улице, но не в сторону дома. Я думала о том, что же я такого сделала в прошлой жизни, что в этой мне достались мир, полный самокатов, и Глеб? Но никаких серьезных прегрешений вспомнить не могла.

– Пока Вершинин договаривается с вдовой, мы поищем другие зацепки, – продолжил Глеб, великодушно сообщая мне о дальнейших наших планах. – Завтра мы заглянем на фабрику Лебедева.

– И что мы там будем делать? – уточнила я.

– Осмотримся. Попробуем выяснить, с кем он работал, что обсуждал накануне смерти. Фабрику Лебедева я лично не проверял. Да меня и вряд ли бы пустили туда без серьезных оснований. Несколько отчетов – всё, что у меня есть. И не было никаких причин искать что-то там. Убийство владельца для нас очень кстати.

– Думаешь, его мог убить кто-то с фабрики?

Глеб пожал плечами.

– Его мог убить кто угодно. Но не думаю, что это могло быть выгодно кому-то из его работников. Но возможно, кто-то сплетничал за обедом о его личной жизни и измене Натальи.

– Но... разве нас туда пустят? – с сомнением спросила я, уже чувствуя подвох.

– Конечно, – уверенно ответил Глеб. – Ты же техномаг, теперь и с лицензией. Представись ревизором из Гильдии. С проверкой.

– Чего?! – возмутилась я и прошипела уже тише: – Я даже не техномаг.

– Ага, – недоверчиво протянул Глеб. – А кто отправил Громова “отдыхать” одним нажатием искровика?

Кажется, здесь и правда есть альтернатива электрошокеру. И от звания техномага мне так легко не отвертеться.

– Меня раскусят через две минуты, – предупредила его я.

– Тогда постарайся продержаться хотя бы три, – фыркнул он. – С тем же усердием, с каким ты отрицаешь свою причастность к техномагам, говори всем, что ты из Гильдии. Для разнообразия. Если нас поймают, будет скандал. Но если не поймают – мы узнаем то, что не скажет ни один официальный отчет. В случае провала можешь сказать, что я тебя заставил.

– Ты вообще ничего не боишься? – я покосилась на него, не зная, как реагировать на его последнее замечание.

– Я боюсь только того, что это дело окажется нераскрытым, – серьезно ответил он.

Попыталась свыкнуться с мыслью, что мне придется играть по правилам Глеба и изображать представителя Гильдии, когда Глеб вдруг остановился и сказал:

– Слушай внимательно. Фабрика Лебедева – одна из немногих, кому доверяли новейшие технологии. Уникальные батареи, которые должны были пойти в серию через пару месяцев.

– Ты уже говорил. И что? – осторожно спросила я, подозревая, что он скажет “и вот тут начинается веселое”.

– Эти технологии кто-то сливает. Или копирует. Может, один из инженеров, а может, кто-то сверху. А может, здесь целая цепочка, – он повернулся ко мне. – Если мы найдем хоть одну зацепку: чертёж, нестандартную батарею, неучтённую деталь – это поможет связать смерть Лебедева с делом Гильдии. Я закончу расследование этого дела, а тебя вычеркнут из списка подозреваемых и, может, даже извинятся. Мы оба будем в плюсе.

Вздрыгнула. Мне послышалось, или он меня уговаривал, а не ставил перед фактом? Но, кажется, это выбор без выбора.

– И ты думаешь, нам так просто всё покажут? – спросила у него.

– Конечно, нет. Но ты – ревизор. Они тебя будут бояться. А я буду рядом. Как твой помощник, ассистент или кто там ещё нужен. Буду молчать и слушать. Ну и смотреть, что они там прячут.

– А что, если я скажу не то?

– Я составлю для тебя список вопросов. Иногда придётся импровизировать. Или вовремя сбежать. Тут уж как пойдёт, – он усмехнулся. – Зато скучно не будет.

Хотелось неприлично выругаться. Интересно, женщинам позволено подобное, или мой статус опять скатится до уровня “девица из борделя”?

– Вежливо представишься и объяснишь, зачем мы пришли. И улыбайся. Твоя улыбка любого сведет с ума и заставит забыть, как думать, – от его слов по телу пробежал озноб. Вспомнила разомлевшую от комплиментов Глеба продавщицу, это немного отрезвило меня. А Глеб продолжал: – Главное – не перегни. Ты не шпион. Ты проверяющий техномаг из Гильдии и не обязана никому отчитываться. Все тебя бояться, а ты устала и хочешь домой.

– Но я и так устала и хочу домой, – вздохнула я, имея в виду мой настоящий дом.

– Вот и отлично. Будешь выглядеть правдоподобно.

Он пошел дальше и подвел меня к магазину, в витрине которого была выставлена женская одежда. Получше той, что была на мне, но не такая роскошная, как платье для похорон.

– Ты выглядишь простовато для техномага из Гильдии. Тем более для того, кого отправили в качестве ревизора, – объяснил Глеб, не дожидаясь моего вопроса и открыл передо мной дверь. Где-то внутри звякнул колокольчик. – Пошли, выбирай себе костюм “властная, но загадочная”.

Я тяжело вздохнула и шагнула внутрь. Мне казалось, что я пытаюсь вылезти из одной ямы только для того, чтобы тут же упасть в другую, ещё более глубокую и с табличкой “служебный вход только для аферистов”.

Прошла к вешалке и стала придирчиво перебирать платья. Это была первая возможность в этом мире выбрать себе одежду и создать хоть какую-то иллюзию контроля. Не то чтобы единственный подобранный Глебом наряд мне не нравился. Этот гад умудрился даже не ошибиться с размером. Но всё-таки личный выбор всегда в приоритете.

Осложняло дело незнание местной моды, но, не думаю, что Глеб бы привел меня туда, где продавали что-то из прошлого века. Я выбрала простое аккуратное платье без лишних рюшечек и оборок и такой же простой жакет к нему – лаконичность в деловом костюме прежде всего.

Я уже собиралась скрыться в примерочной, как вдруг за моей спиной раздался его голос:

– Ты серьёзно думаешь, что ревизоры из Гильдии ходят в одежде хрупкой библиотекарши?

Глеб выдернул вешалку из моих рук и начал сам выбирать платья, как будто и правда что-то в этом понимал. Продавщица не вмешивалась.

– Вот, – наконец сказал он, вытаскивая из недр витрины костюм благородного серого цвета с черными вставками и широким корсетным поясом. – Это говорит: “я важная, занятая, и мне плевать, что вы думаете”.

С тоской покосилась на кучу застежек. Я бы и смотреть на это орудие пыток не стала, не то, чтобы надевать. И спросила:

– А если я хочу выглядеть доброжелательно?

– Забудь. Ты ревизор. Если они не будут тебя бояться – они не будут тебя слушать. Ты должна показать не себя, а привыкшую к власти техномагичку.

Я вздохнула, но взяла костюм. Конечно, Глеб прав. И в моем мире существует недоброжелательный к людям дресс-код. Придется соответствовать.

Кое-как справилась с кучей застежек и вышла из примерочной. Глеб придирчиво осмотрел меня. Потом затянул ремень потуже, что мне стало тяжело дышать. Подцепил с полки

небольшую сумочку, которую тут же пристегнул к поясу. И добавил к моему образу замысловатую шляпку, после чего взял меня за плечи и повернул к зеркалу.

– Теперь даже я бы поверил, что ты из Гильдии, – сказал он, глядя на отражение через моё плечо.

– Ты и так веришь, что я техномаг, – проворчала я, оценивая наряд. Он и правда казался уместным и очень правильным.

Глеб не ответил, протянул руку и поправил на мне шляпку.

– Мне кажется, тебе нравится наряжать меня как куклу, – буркнула я.

– Вообще-то, – я поймала в отражении улыбку Глеба, – куда больше мне нравится девушек раздевать. – Он наклонился чуть ближе и тихо добавил: – Но ты же пока не готова к такому уровню доверия.

Я задыхнулась. Только от чего: от тугого пояса или от его наглости?

Глеб уже успел отвернуться и деловито сказал:

– Идём, ревизор. У тебя завтра важный день.

Когда мы вернулись домой, всё, чего я хотела, это упасть на диван, никогда не выходить из комнаты и не видеть Глеба. У Глеба были другие планы. Для начала он подписал моё поддельное разрешение на использование магии. Ага, а раньше я ей не пользовалась только потому, что у меня документов не было...

– Садись, – велел он, даже не посмотрев в мою сторону. – Ты должна как следует отретировать свою речь.

– Может, лучше кофе? – без особой надежды спросила я, хотя не отказалась бы от возвращения к должности бариста.

– Вон там, в банке, – он равнодушно махнул рукой, записывая что-то в своем блокноте. И милостиво разрешил: – Свари себе, если хочешь.

Кофе я не хотела. Но это нехитрое занятие принесло хоть какое-то ощущение стабильности, которого с Глебом не было и, кажется, быть не могло. Я протянула ему чашку с напитком, он мне – лист из блокнота. Но местных букв, тем более в торопливом исполнении Глеба, я так и не знала. Поэтому вернула лист обратно.

– Чему вас в магакадемии учат? – проворчал Глеб и начал зачитывать вопросы: – *«Как осуществляется контроль за магической стабильностью кристаллов?»*, *«Произведите демонстрацию безопасности батареи третьего поколения»*...

– Я должна запомнить это за один вечер? – вздохнула я, потому что не понимала, о чем вообще должна говорить на фабрике. – Может, ты сам станешь спрашивать обо всем?

– Полина...

Глеб склонился надо мной, как в первую нашу встречу над Фонарёвым. Посмотрел на меня так пристально, будто хотел спросить, где я спрятала труп. А я бы призналась, даже если бы не знала, о ком он говорит. И я поняла: Глеб бывает не только раздражающим или милым, иногда он может пугать.

– Ты техномаг, – вкрадчиво сказал он. – Ты, а не я. Скажи мне, ты видела когда-нибудь ревизора, который бы слова не мог вымолвить?

– Может, тогда сказать, что я на практике?...

– На практике тебя угостят чаем с конфетами. А нам надо пройти туда, куда не пустят даже полицию, – сурово сказал он и выпрямился. – В твоих словах должна быть как минимум угроза увольнения, а не “я на практике”.

Глеб принес мне новый блокнот и протянул карандаш.

– Я буду диктовать, а ты записывай так, как умеешь.

После чего стал медленно повторять вопросы. Я записала всё, как можно тщательнее. Он посмотрел на ровно выведенные строки. Кажется, испытал то же, что и я, когда пыталась прочесть его заметки.

– Слова на незнакомом языке... – задумчиво протянул он.

Я думала: вот сейчас он мне поверит, что я из другого мира. Но Глеб вдруг улыбнулся и единственный раз за этот день похвалил меня:

– Это же гениально! Люди пугаются, когда техномаги начинают писать. Особенно что-то непонятное и молча.

Потом он принялся изображать главного инженера фабрики. Андрей Лебедев мертв, вопрос о наследстве не решен, но фабрика продолжала работать. И, конечно, после его смерти кто-то занял место её руководителя. Глеб сказал, что без веских причин к высшему руководству мы не попадем, но нам это и не нужно. Там найдется, кому нас встретить. Именно такого человека и пытался сыграть Глеб.

– Приветствую, госпожа ревизор. Что вас интересует?

– Эм... добрый день, – я чувствовала себя глупо, хотя мы только репетировали. – Я хотела бы... эээ... ознакомиться с условиями хранения батарей.

Это звучало так нелепо, что захотелось вымыть рот мылом. Или хотя бы съесть что-нибудь сладкое, чтобы заглушить вкус самозванства.

– Хранение у нас отличное, сейчас всё покажу. Вот, проходите! – Глеб демонстративно отошёл в сторону, как будто открывал дверь.

Я неуверенно прошла мимо него, представляя, как иду на какой-нибудь склад.

– Ты вообще в курсе, что ревизор не должен ходить туда, куда его зовёт инженер? – остановил меня Глеб. – Тебя развели, обманули, покормили конфетами и отправили домой ни с чем. Это он должен идти за тобой и пытаться не дать тебе попасть туда, где что-то идет не по правилам.

– Тогда зачем ты вообще заставил меня учить эти идиотские вопросы? – разозлилась я.

– Чтобы ты знала, что в первую очередь может заинтересовать ревизора. Ты всегда действуешь по инструкции?

– Да, если не имею никакого представления, как вообще себя ведут настоящие техномаги, – буркнула я.

Глеб потер лоб, раздумывая. Я хотела предложить найти вместо меня кого-нибудь другого. Или хотя бы отложить визит на фабрику на годик-другой. Но он вдруг сказал:

– Ладно, просто с важным видом ходи и спрашивай “А что у вас тут?”. Иногда говори какие-нибудь умные слова из списка или... откуда ты там?... Из своего мира. Если что, я тебе подскажу, как действовать.

– Ты наконец поверил, что я не из этого мира? – спросила я с надеждой.

– А откуда ещё быть девушке, которая с одного взгляда нашла в толпе любовника вдовы, но непробиваемо тупа, когда дело касается серьезных задач?

Вообще-то было обидно. Я поджала губы, сдерживая злые слова. Было бы, куда идти, то давно бы хлопнула дверью. Но Глеб, кажется, понял, что перегнул палку.

– Ладно, ладно. Завтра ты будешь шикарна, как всегда. Громов до сих пор под впечатлением от встречи с тобой.

Он зачем-то погладил меня по голове. Наверное, это его способ быть милым. А потом вернулся к прерванному занятию:

– Образ немногословной ледяной девы тебе подойдет больше. Но тогда тебе нужен уверенный взгляд. Подбородок выше, – он прикоснулся пальцами к моему лицу. – Смотри на всех так, чтобы у любого начальника от напряжения свело левую лопатку. Они должны думать, будто ты знаешь, сколько стоит их магоборудование, и сколько лет им сидеть, если ты решишь, что они используют его не по назначению. Ты видела, как ведет себя вдова Лебедева. Ты должна быть надменнее её, ведь можешь лишить её всего имущества одним словом.

– Не хватает ещё только фразы “Я запишу это в протокол”, – пробормотала я.

– Вот и скажи это, – кивнул Глеб. – Представь, что тебя уже начинают подмазывать. Улыбнись как будто собираешься согласиться... и внезапно – холодно и без эмоций: “Я внесу это в протокол”. Это ломает их.

– Мы собираемся ломать их или выяснить об убийстве Лебедева?

– Одно другому не мешает. Но ты умная девушка, сообразишь, когда надо смолчать, а когда сказать что-то такое.

– Но ты только что назвал меня тупой, – напомнила я.

– Я не это имел в виду, – поморщился Глеб. – Но если почувствуешь, что что-то идет не так, ищи глазами выход. И помни, что я рядом.

Он сел на стул напротив меня, откинулся на спинку и посмотрел так, будто уже видел меня в окружении начальников и инженеров фабрики.

– Завтра ты будешь блистать или сгоришь. В любом случае это будет красиво, – подытожил он.

Утром он разбудил меня, снова бесцеремонно ворвавшись в комнату.

– Подъем, госпожа ревизор. Тебя ждет судьбоносное задание!

На кухне уже пахло кофе, на подоконнике стоял завтрак. Кажется, Глеб встал ещё до рассвета.

– Сначала можешь вежливо улыбнуться им, – продолжил Глеб последние наставления. – Потом сохраняешь напускное равнодушие, но пытаешься пройти везде, где только можно. И помни главное: ты не просишь – ты требуешь. Не спрашиваешь – ставишь в известность. Если тебе не отвечают – улыбаешься и говоришь «я вернусь к этому позже». Если попросят остаться на чай – отказывайся. Ты ревизор. У тебя график. Ты суровая. Ты загадочная. Ты...

– Я не из Гильдии, Глеб, – напомнила я. – Что, если они сразу поймут это?

Он наклонился ближе и подмигнул:

– Если что, представь, что они все на самокатах. А у тебя в руках искровик и власть завалить тот переулочек их трупами.

Я вздрогнула от его слов.

– Кстати, искровик и все эти свои штуки возьми с собой. Кто всё это носит, если не техномаг?

– Ты сам говорил, что напоказ это выставляют только слабые маги, – возразила я. Но подумала, что электрошокер будет очень кстати, если придется сбегать.

– Говорил. Но все же будет лучше, если они будут знать, что ты можешь не только говорить. Ладно, пойдем, – он первым встал со стула. – Сегодня ты не подозреваемая. Сегодня ты хищная бюрократическая единица.

Глеб ещё раз придирчиво осмотрел меня перед выходом. Снова затянул плотнее ремень и поправил шляпку. Мы вышли из дома, но он снова направился к самокату.

– Я на нем не поеду! – отчеканила я.

Да, я перестала падать в обморок от одного их вида, но всё ещё боялась этого чуда техники.

– Полина, это уже не смешно, – нахмурился он.

– Я не могу. Я... я боюсь.

Ноги приросли к земле будто против моей воли.

Глеб несколько секунд молчал. Потом повернулся ко мне.

– Полина, – сказал он спокойно. – Ты собираешься изображать ревизора из Гильдии. Техномага. Эти люди не боятся механизмов. Они на них ездят. Они сами их придумали.

Я попыталась вдохнуть поглубже, но воздух словно застревал в груди. В ушах начало шуметь от подкатывающей паники.

Глеб медленно выдохнул. Резко провёл рукой по волосам, словно пытался сдержать раздражение. Сделал несколько шагов в сторону, развернулся на пятке. Потом снова перевёл взгляд на меня. Без злости. Но и без прежнего тепла.

– Прости, – прошептала я. Голос предательски дрогнул.

Он выругался. Тихо, но зло. Отбросил попавшуюся под ногу гальку и снова подошел ко мне.

– Ладно, – холодно сказал он. – Тогда поедем на автобусе. Ревизор, приехавший на автобусе, уже не будет внушать столько страха. Но будет хуже, если ревизор явится на фабрику в слезах.

Я благодарно кивнула, не в силах произнести ни слова.

Глеб бросил на меня короткий взгляд. Его губы дёрнулись, будто он хотел что-то сказать – что-то вроде “тебе надо лечиться” или “психолог в соседнем районе”. А я была бы не прочь поговорить с кем-то о страхе перед самокатами. Я понимала, как это выглядит. Глупо. Смешно. Но тело не слушалось. Оно помнило то, что я хотела бы забыть. И, кажется, это становилось проблемой.

Глеб ничего не сказал. Отвернулся и пошёл к остановке. Я поспешила за ним.

ГЛАВА 7.

Фабрика Лебедева располагалась возле железнодорожной линии и была похожа на крепость. Серые здания, оплетающие их трубы, решетки на окнах, гул работающих механизмов, который был слышен даже за воротами.

Два охранника у ворот проходной листали от скуки газеты. Один из них, заметив нас, встал и вышел к воротам.

– Здравствуйте. Чем я могу вам помочь?

Один вопрос, а я уже была готова бежать отсюда. Даже если придется делать это на самокате. Глеб стоял уверенный в себе, как всегда. Даже хотелось стукнуть его поддельным разрешением.

– Внеплановая проверка, – буднично ответил Глеб. – Представитель Гильдии. Я – сопровождающий.

И незаметно толкнул меня.

Я поспешно развернула фальшивое разрешение и протянула его охраннику, изо всех сил надеясь, что он не заметил, как дрожали мои руки.

– Полина Морозова. Ревизор по маготехнике, – пролепетала я, уже понимая, что прозвучала неубедительно.

Охранник посмотрел на меня, скользнул взглядом по документу. Но, видимо, таких дерзких здесь прежде не водилось, либо он решил, что пусть со странными гостями разбирается начальство. Он открыл перед нами двери и сказал, что проведет нас к главному инженеру.

Мы вошли в какое-то здание и прошли по длинному коридору. Здесь гул механизмов звучал тише, но из-за закрытых дверей было слышно клацанье печатных машинок и тихие голоса. Охранник постучал в одну из дверей и, дождавшись ответа, впустил нас внутрь.

– Ольга Николаевна, к вам гости. Из Гильдии, – объяснил наш провожатый.

Стены кабинета были увешаны какими-то чертежами. Я старалась не оглядываться и сохранять равнодушие – нормальный техномаг, должно быть, видел сотни таких кабинетов. Сразу посмотрела на склонившуюся над столом женщину. Испугалась, потому что не поняла, связана ли она как-то с магами – на вид от техномагов не отличить.

Она подняла на нас усталый взгляд и поздоровалась.

– С каких пор Гильдия стала присылать проверку без предупреждения? – сердито спросила она.

– С тех пор как убили Лебедева, и Гильдия не может быть уверена в дальнейшей лояльности фабрики, – ответила я неожиданно ледяным тоном.

Кажется, я начинала вживаться в роль. От радости чуть не рассмеялась. Вздернула подбородок чуть выше, как учил Глеб и посмотрела женщине в глаза.

Ольга кивнула, как человек, который сделал себе мысленную заметку: “надо срочно созвониться с юристами”. Казалось, она вот-вот скажет что-то язвительное, но вовремя вспомнила, что перед ней – техномаг с возможностями прикрыть эту фабрику. Она склонила голову чуть ниже и только уточнила деловым тоном:

– Тогда с чего вы хотите начать проверку? Я могу вам показать лабораторию и магические хранилища.

– Со склада, – сразу ответила я. Не потому, что это был правильный выбор, а потому что так указал Глеб в списке.

Ольга Николаевна чуть подняла бровь, но вышла из кабинета и послушно повела нас куда-то. Я на миг усомнилась: может, надо было начать с производственных цехов? На нашей репетиции у Глеба дома именно на складах я и провалилась. Может, развернуться и пойти в неизвестном направлении, как учил Глеб?

Оглянулась на него, но он молчал.

“Ну ладно, – мысленно пожала плечами, – пусть будет склад”.

Мы прошли в соседнее здание и оказались в огромном помещении, заставленном аккуратными рядами полок. В коробках лежали тысячи чуть светящихся батарей разных размеров. Рядом крутились какие-то механизмы, некоторые полки были закрыты толстым стеклом. Здесь всё в порядке? Даже придраться не к чему. Я оглядывалась по сторонам, пряча растерянность за суровым выражением лица.

– Как вы видите, у нас всё на высшем уровне, – холодно сказала Ольга Николаевна. Я поняла, что именно этим тоном я должна была говорить с ней. – Техника безопасности на высшем уровне.

Я покосилась на механизмы. Если не знать, то, кажется, уровень безопасности на уровне “бери и беги”. Посмотрела на Глеба, но тот едва заметно кивнул. Значит, все в порядке. По моей спине пробежали мурашки. Незадачливого воришку с моим уровнем наивности ждал большой сюрприз.

Мы прошли дальше. Заглянули в хранилище не прошедших проверку батарей. Стоял озоновый запах, а каждый стеллаж был закрыт прозрачным куполом. Глеб взглядом указал на один из дальних отсеков. И я с самым серьезным видом спросила:

– Почему эти батареи хранятся отдельно?

– Это нестабильные прототипы, – сухо ответила Ольга. – Храним их по особому регламенту до переработки. Контроль проводится ежедневно.

Я кивнула, как будто всё поняла. На самом деле мне хотелось поскорее унести отсюда ноги. В моём понимании нестабильные батареи были чем-то вроде бомбы замедленного действия.

Покосилась на Глеба. Он нахмурился, но еле заметно качнул головой – всё в пределах нормы.

Потом мы заглянули в производственные цеха. Было шумно: грохотали механизмы, пахло маслом, сустились рабочие. Ольга Николаевна что-то рассказывала, пытаясь перекричать шум. Я иногда кивала и что-то невпопад спрашивала.

Глеб с уверенным равнодушием осматривался. Но каждый раз, когда ловил мой взгляд, качал головой.

Ничего.

Фабрика Лебедева не зря заслужила свою репутацию самой надежной фабрики Копперграда. Всё было на высшем уровне, не считая того, что сюда смогли проникнуть два таких проходимца как мы. Но, наверное, разрешение из стола Вершинина настоящему преступнику добыть было не так легко.

– Здесь производится тестирование опытных образцов по последней технологии, – сказала Ольга, когда мы зашли в очередной цех. – Массовое производство начнётся через несколько месяцев.

Нам пришлось пройти через два пункта охраны, в одном из которых снова проверили мои документы и даже заставили пройти через магическую рамку. Когда рамка не подала тревожного сигнала, Глеб скользнул по мне взглядом, полным молчаливого сарказма: *“ещё скажешь, что ты не техномаг?”*

– Как видите, защита новейших технологий на высшем уровне, – продолжала говорить Ольга Николаевна. – У нас работают только проверенные инженеры. В цеха технология поступает в зашифрованном виде, как и полагается.

Глеб еле заметно кивнул – всё в порядке. Я сделала вид, что всё поняла.

Мы прошли дальше и оказались в административных помещениях.

Они были совсем другими: просторные кабинеты, огромные столы, кипы чертежей и сложных формул. Ольга рассказывала про расчёты, регламенты, допуски и перерасчёты, а я всё

больше чувствовала, как в голове превращались в кашу и магобезопасность, и маготехника, и вообще всё магическое.

Я слушала её в пол уха, устав от бесконечных неизвестных мне терминов и собственных вопросов, которые мне все больше казались бессмысленными. Наверное, только это позволило мне расслышать разговор двух сотрудников, которые переговаривались за одной из открытых дверей:

– Жалко Анатолия... Такой был специалист...

– Может, его тоже убрали... как и шефа...

Я замерла, едва сделав шаг. Глеб чуть тронул меня за локоть, подталкивая дальше, но я успела спросить у Ольги:

– Кто такой Анатолий?

Ольга Николаевна сжала губы в тонкую линию, будто не желая обсуждать это.

– После смерти Андрея Сергеевича один из ведущих инженеров – Анатолий Буров – пропал. Он был не слишком общителен. Коллеги решили, что он заболел – такое иногда происходит.

– И вы не заявили в полицию? – спросила я, стараясь сохранить ледяной тон, но удивление пробивалось наружу. Такое совпадение не могло быть случайностью.

– Мы... не сразу придали этому значение, – нехотя признала Ольга. – Буров был нелюдим. Все решили, что он заболел. Но пару дней назад его коллеги решили навестить его. Дома его не было. Полиция уже уведоmlена. Пока результатов нет.

Я посмотрела на Глеба. В его взгляде зажегся интерес.

Тоже подумал, что исчезновение инженера связано с его делом?

– Полагаю, вскоре его найдут в одной из больниц, – тихо продолжила Ольга. – Хотя кто-то полагает, что его исчезновение связано с убийством Андрея Сергеевича. Может быть... он тоже мертв. Другие инженеры напуганы. Но пока нет официальных данных о его смерти, мы не можем что-то предпринимать.

Я задумалась, не зная, о чем спросить. Ревизора из Гильдии техномагов может интересовать только утечка данных, а не смерть сотрудника. Но если этот инженер и правда связан с гибелью владельца фабрики? Могу ли я задать вопрос об этом?

Ольга Николаевна ещё какое-то время водила нас по кабинетам и коридорам. Показала какие-то графики, схемы, отчеты, которые для меня звучали как что-то на слишком умном – ровно так же, как слова о квантовой магии: слишком неизвестно и очень необычно.

Я старалась сохранять суровое выражение лица, иногда задавала дежурные вопросы и с умным видом записывала в блокноте: *«Спасите! Я устала от этого шума и запаха гари! Глеб – деспот. Механизмы – зло. Батареи – потенциальные бомбы.»*

Глеб молчал и только изредка одобрительно хмыкал в нужных местах, создавая видимость, что мы настоящие ревизоры и позже обязательно всё обсудим. Но, кроме исчезновения инженера, здесь не было ничего необычного.

– Может быть, чаю? – предложила Ольга.

Я прекрасно помнила указания Глеба о чае. Хотя, вообще-то, была бы не против выпить чашечку. Но ледяным голосом, как учил Глеб, отказалась:

– Благодарю, но у нас очень плотный график.

Ольга не стала уговаривать. Наверное, я всё сделала правильно. И вскоре мы покинули фабрику.

Мы шли прочь по улице, а я поймала себя на том, что все ещё пытаюсь держать образ суровой леди. Редкие прохожие шарахались от меня, как если бы я могла испепелить их электрошокером, если они приблизятся ко мне слишком близко.

– Кажется, все прошло как надо, – наконец выдохнула я.

Но Глеб покосился на меня, будто вообще забыл, что я иду рядом.

– Мы ничего не нашли, – холодно ответил он. – Фабрика Лебедева не зря имеет статус самой надежной из фабрик. Даже тебе, как ревизору, показали всё, но не открыли тайных технологий. Как ревизор Гильдии ты и так должна знать их. Иные бы могли подсунуть тебе бумаги в качестве доказательства статусности фабрики. Но не они. Я даже восхищен.

– А как же пропавший инженер? – с надеждой спросила я. Мне-то казалось, что это важно.

– Анатолий Буров, – медленно проговорил Глеб и поморщился. – Это не любовник. И не тот, кто увез вдову с похорон. Может быть – случайный свидетель. Или ещё одна жертва. Пока он для нас бесполезен.

Я задумалась, потом спросила:

– Может, надо было узнать, какими именно технологиями он занимался?

Глеб покачал головой:

– Бесполезно. Все ведущие инженеры работают с технологиями Гильдии. У каждого свой участок, но принципы одни. Вряд ли он знал что-то такое, чего не знали другие.

Я разочарованно выдохнула. Выходит, мы ничего не нашли.

– В любом случае, – добавил Глеб. – Нам нужно узнать, что о нём нашла полиция. Даже его труп может оказаться зацепкой и привести к чему-то более важному.

Мы шли дальше. Я потеряла щеку – кажется, я успела где-то испачкаться. Глеб посмотрел на меня и остановился. Он смотрел с той ленивой насмешкой, от которой у нормальных девушек должны были подкашиваться колени. Потом медленно провёл пальцем по щеке и словно нарочно задержался на долю секунды дольше.

Дыхание сбилось. И он, кажется, заметил это. Уголок его рта дернулся, будто он пытался сдержать улыбку.

– Прелестно, – усмехнулся он, не убирая руку сразу. – Ещё пару часов на складе – и выглядела бы так убедительно, что даже в гильдии бы тебя не отличили от настоящего ревизора.

Я фыркнула, пряча смущение за суровой миной.

– Хотя... – лениво добавил он, шагнув дальше. – Если бы ты ещё ткнула кого-нибудь искровиком, выглядела бы просто безупречно.

Я закатила глаза и поспешила догнать его.

ГЛАВА 8.

На другой день Глеб был задумчив. Пил кофе и смотрел на заметки. Иногда поправлял их, если ветер из открытой форточки сдувал листы. В это время он чертыхался себе под нос, будто кто-то наступил ему на больной палец.

Я благоразумно делала вид, что меня нет.

Но вскоре он развернулся, схватил свой плащ и направился к двери.

– Я к Вершинину, – впервые за все время он уведомил меня, куда собрался. Прогресс, однако.

Он уже взялся за дверную ручку, но вдруг посмотрел на меня и сказал:

– Пошли. Иногда от тебя бывает толк.

У меня было два варианта: гордо обидеться и остаться, или гордо заткнуться и пойти за ним. Я выбрала второе. Потому что любопытство всё равно победило.

В участке нас встретили так же, как и в прошлый раз: Глеба, как старого знакомого, меня – с холодным любопытством. Дежурный молча кивнул, когда мы прошли мимо к кабинету Вершинина.

Алексей был у себя, разбирался с грудой бумаг. Он глянул на нас исподлобья, скользнул по мне равнодушным взглядом и снова склонился над бумагами.

– Здорово, – обратился он к Глебу. – Опять по делу?

Кажется, мы были не вовремя.

– Опять, – отозвался Глеб и уселся на стул без приглашения.

Я села рядом, уже не понимая, зачем я здесь.

– Мы тут заглянули на фабрику Лебедева, – начал Глеб. – Узнали кое-что любопытное. Один из инженеров пропал в день смерти Лебедева. Сотрудники заявили о нём всего пару дней назад. Анатолий Буров – есть что по нему?

Алексей шумно перелистал пару папок, вынул одну и бросил на стол.

– Я так понимаю, на фабрику вы явились без приглашения и с поддельными бумагами? – хмыкнул Алексей.

– Да брось, – поморщился Глеб. – Гильдия наняла меня, но не дала возможности как следует покопаться в делах их заказчиков. Пришлось импровизировать.

Он потянулся за брошенной папкой и пролистал несколько страниц.

– Ничего? – разочарованно спросил Глеб и посмотрел на Алексея. – Кажется, твои ребята не справляются.

– Нет ни тела, ни свидетелей, – устало протянул Алексей, будто знал все дела наизусть. – Дом пустой. Вещи на месте. Деньги на счетах не тронуты. Документы тоже.

Я подалась вперёд:

– То есть... он просто исчез?

– Именно, – кивнул Алексей и покосился на меня. – Версий пока никаких. Улик тоже – рано делать выводы.

Глеб нахмурился и уставился на стену. Он не дергался, не стучал пальцами по подлокотнику, даже не поморщился. Что было для него очень странно.

– Что насчет общения с Лебедевым? – протянул Глеб.

– Не больше, чем общались другие инженеры, – сухо ответил Вершинин. – Никто даже не может вспомнить, заходил ли он в тот день к руководству или сидел в кабинете вместе с остальными?

– Ты тоже подумал, что они связаны? – усмехнулся Глеб.

Алексей поморщился:

– Глеб, полиция действует не так как ты, но тупые долго не задерживаются. Один из инженеров исчез после убийства шефа – то, что он говорил о руководстве, узнали в первую очередь. Ничего. Ни ссор, ни неприязни.

– Значит его могли убрать вместе с Лебедевым, – Глеб снова задумался.

– И что теперь? – спросила я, нарушая затянувшуюся паузу.

– Ждать, – коротко ответил Алексей. – Мы отследили некоторые его связи. Ничего подозрительного. Ни долгов, ни врагов. Но если он жив, где-то должен всплыть.

– Или всплывёт его тело, – сухо добавил Глеб.

Алексей кивнул. Больше говорить было не о чем.

– Что с Натальей? – спросил Глеб и встал.

– Отправили ей “приглашение”, – ответил Вершинин. – Имей в виду: второй раз она явится с адвокатом.

– Разумеется, – процедил сквозь зубы Глеб. – Тогда жду от тебя новостей по вдове.

Он шагнул к выходу, но Алексей его остановил:

– Если ты уже наигрался в техномага, верни бланк.

– В другой раз, – бросил Глеб. – Дай мне ещё пару дней.

Мы вышли на улицу. Ветер поднял пыль, где-то скрипнули тормоза самоката. Город жил привычной жизнью, не думая, что где-то кто-то пропал или не смог выжить.

Глеб шёл молча, сунув руки в карманы. Я едва поспевала за ним. А он будто забыл обо мне. Я даже подумала: а какой смысл был мне вообще идти с ним?

Наверное, вселенная послала Глебу тот же вопрос. Или его совесть. Хотя скорее – первая, потому что вторую он давно потерял где-то между расследованиями.

Он вдруг остановился, посмотрел на меня и спросил:

– Ну что, ревизор. Готова к новым подвигам?

После его вопроса мне стало страшно.

К счастью, в этот раз Глеб не предложил мне ничего незаконного – можно было немного выдохнуть.

– Пошли домой. Надо кое-что обдумать. И приготовить кофе. Крепкий, без сахара. На троих. Для меня, для тебя... и для моего чертового терпения.

Я едва сдержала улыбку и пошла рядом. Почему-то я вдруг почувствовала, что это дело мы разгребали вместе. И это отдавалось теплом в груди.

Дома мы склонились над столом, вооружившись двумя чашками кофе. Глеб нарисовал на листе условный “портрет” Бурова и подписал его. Я даже разгадала пару букв, которые пыталась запомнить в свободное от приключений время.

Глеб пытался примерить лист с Буровым к какой-нибудь части разложенных бумаг, но сдался и положил в угол, в котором лежали другие неразобранные заметки.

– Итак, что мы знаем, – начал он, проводя невидимую линию от имени Бурова к фамилии Лебедев. – Буров исчез в день смерти Лебедева. Официальная версия – заболел. Неофициальная – либо убит, либо сбежал.

Он поднял голову и посмотрел на меня так, словно проверял, не сбежала ли я.

– Убийство Лебедева кому-то было нужно, – продолжил Глеб. – Возможно, для захвата технологий. Возможно, из личных причин. А может, кто-то не хотел, чтобы он подписал важные бумаги.

Он сделал глоток кофе, поморщился, будто кофе оказался недостаточно горьким для его настроения.

Я кивнула, стараясь сделать вид, что всё понимаю.

Глеб добавил ещё пару слов на листке, потом задумался:

– Буров был инженером. Тихим, замкнутым. Судя по отчетам в досье – правильным до невозможности. Если он что-то видел – он мог стать лишним свидетелем.

– А может... – осторожно вставила я. – Может, он знал о любовнике Натальи и хотел рассказать о нём Лебедеву? А она его за это...

Глеб усмехнулся:

– Может и так. Такие люди слишком любят правила. Но это не объясняет смерть Лебедева.

Больше идей у меня не было. Глеб подумал немного и сказал:

– Если он жив, его скоро найдут. Если мертв... значит, его уже кто-то хорошо спрятал. Мы не можем скидывать его со счетов. Но пока он такое же лишнее звено, как и ты.

Я поёжилась.

– И что теперь? – спросила я.

Глеб откинулся на спинку стула, качнул ногой и пристально посмотрел на меня, будто мог прочесть во мне ответы на все свои вопросы.

– Ждать новостей от Вершинина. Работать по Наталье. И мы все ещё не знаем, с кем уехала вдова. Где этот некто появится в следующий раз? Придется пройти по старым знакомым, собрать слухи...

Он замолчал, задумавшись. Я тоже ничего не сказала. Дело казалось все более запутанным.

Ветер из окна снова приподнял несколько листов, и Глеб хлопнул по ним ладонью.

– Почему ты не прикрепишь доску на стену? – спросила я, глядя на его руку.

Я помнила, что в популярных фильмах, нормальные детективы всегда использовали доску доказательств, на которую можно было любоваться сидя с чашкой кофе у противоположной стены.

Может быть, такого не было – я же не знаю, кто и когда её изобрел, и может ли быть в этом мире что-то подобное. Судя по удивленному взгляду Глеба – он о таком не думал. Поэтому я продолжила:

– Мы закрепим записи булавками, а между ними можно натянуть яркие нити, чтобы обозначить связи. Может так станет понятнее?

Глеб скользнул по мне взглядом, как будто собирался отмахнуться. Уже открыл рот, чтобы сказать что-то в духе: “Я и так всё держу в голове”, – но в последний момент передумал.

– Ладно, можешь сделать это, пока я наведу кое-куда. Приличным девушкам там не место. А без дела ты разнесешь мне половину квартиры.

Я удивилась. Он доверил мне свои бумажки, над которыми трясся, как дракон над кучей золота? Я даже вдруг почувствовала гордость. Может, я стану секретарем частного детектива? Очень неплохо, особенно если вспомнить, что других вариантов у меня всё равно нет.

Проблема номер один: в этом городе никто не продавал доски для заговоров против Вселенной.

Проблема номер два: я пообещала её сделать.

Глеб великодушно вручил мне ключи от чердака, где соседи хранили всё, что было жалко выкинуть. И я погрузилась в это царство хаоса, чтобы собрать подобие пробковой доски.

Спустя двадцать минут на полу кухни скопилась куча мусора, в которой я уже видела свой будущий шедевр: старая дверца от шкафа, кусок потрёпанной парусины, молоток, горсть ржавых гвоздей и моток красной пряжи.

Я натянула парусину на дверцу, сбила пальцы, пока закрепляла, но вскоре доска была готова. Повесила её на торчащий из стены гвоздь, проверила на прочность и стала аккуратно переносить записи Глеба, закрепляя их тонкими булавками.

Надеюсь, когда он вернётся, то не скажет мне, что пошутил, и я не должна была их трогать. Но я постаралась повторить всё до мельчайшей детали. На мой взгляд, получилось неплохо. Между фото Натальи, Андрея Лебедева и изображением неизвестного на машине я натянула красные нити.

Остальное оставила до прихода Глеба – хоть я и заучила большую часть букв, чтение всё ещё давалось с трудом. Впрочем, я всё равно бы не смогла сделать что-то большее. Это его дело. Его загадки. Я всего лишь на подхвате. Вроде бы.

Глеб вернулся поздно. Дверь хлопнула, слышались тяжёлые шаги. Я застыла на кухне, держа в руках чашку остывшего чая, и уставилась на дверной проём.

Он вошёл, не снимая плаща. Его взгляд был задумчивым и усталым. Глеб посмотрел на пустой стол, потом повернулся к доске.

Я внутренне сжалась. Он точно скажет: "Зачем трогала мои бумаги? Я пошутил. Кто тебя сюда вообще пустил?" Ну или в его стиле – коротко, метко и с ощущением, что всё было зря.

Но он стоял молча.

Минуту. Две.

Потом медленно подошёл к доске, провёл пальцами по натянутой нитке, коснулся листов, будто проверяя: всё ли на месте.

Я вцепилась в чашку ещё крепче.

Глеб качнул головой и усмехнулся. Его усмешка была... довольной.

– Ты всё-таки умеешь удивлять, ревизор, – сказал он. – Я думал, ты забьёшь себе гвоздь в ногу или устроишь пожар.

Я даже не знала, обидеться мне или нет. Но он уже уселся на стул, уставился на доску и добавил:

– Ты сделала лучше, чем сделал бы я сам.

– Неужели ты способен на похвалу? – не удержалась я от колкости.

Глеб скользнул по мне взглядом и усмехнулся шире:

– Возможно. Но ты сегодня обошла даже самые дерзкие мои ожидания.

Я улыбнулась, но внутри ликовала от победы. Даже этого великого мерзавца можно было чем-то впечатлить.

Возможность пополнить нашу коллекцию улик появилась уже на следующий день. Я ещё пила свой утренний кофе, когда в дверь постучали. Глеб открыл дверь, а я с любопытством выглянула на гостя из кухни. Это был человек в форме. Он передал Глебу несколько слов о том, что встреча с Натальей Лебедевой состоится сегодня во второй половине дня.

– Собирайся, ревизор, – сказал мне Глеб, как только дверь за полицейским закрылась. – Наконец мы узнаем несколько грязных тайн четы Лебедевых.

Сам Глеб собирался на встречу с вдовой с такой тщательностью, будто это был не допрос, а званый ужин с перспективами. Мои сборы были недолгими: выбрать из двух платьев, собрать волосы в приличную причёску, прикрыть их шляпкой.

Мы пришли в участок к назначенному часу. Алексей Вершинин встретил нас лично. Может быть, он боялся, что Глеб снова что-нибудь вытворит, а может потому что не всё в этой встрече было так просто.

– Наталья пришла без адвоката, – говорил Алексей, пока мы шли к переговорной. – Но с тобой допрос будет вести Громов...

– Почему этот зануда? Дай кого-нибудь другого, – поморщился Глеб.

– Они с Фонаревым официально ведут дело о смерти Лебедева, – холодно пояснил Алексей. – Фонарёв тебя боится. И работать с тобой отказался. Но один из них так или иначе должен присутствовать.

Глеб ничего не ответил. Правила он знал лучше всех, и, наверное, не раз их нарушал.

Алексей же кивнул в мою сторону:

– А она что здесь делает?

– Она моя ассистентка. Будет записывать, – коротко отозвался Глеб, чем удивил нас обоих.

Я вдруг услышала, что должна что-то там писать. Алексей посмотрел на меня, как будто увидел впервые. Кажется, до этого момента я была для него лишь безликим объектом, зачем-то таскающимся за его другом, подозреваемой номер один в деле об убийстве Лебедева. Но никак не человеком, который мог помочь детективу.

– С каких пор ты работаешь... с женщинами? – тихо шепнул Вершинин, но я всё услышала.

– Она не женщина. Она мой генератор гениальных идей, – ответил ему Глеб так же тихо, но также слышно. И я могла только фыркнуть, чтобы присоединиться к их неловкому разговору.

Наталья Лебедева уже ждала в переговорной.

Она сидела за столом. Безупречно одетая, собранная. Пальцы в тонких перчатках лежали на коленях и были сцеплены в замок.

Я видела её второй раз, но впервые так близко. На вид ей было тридцать-тридцать пять. И Наталья точно была из тех, про кого говорят “хорошо сохранилась”. Возраст читался скорее по взгляду, и по едва видимым морщинкам, от которых отвлекал яркий макияж.

Она смотрела с показной доброжелательностью и легким превосходством. Как если бы знала: ей ничего не будет, даже если она виновна.

Глеб сел напротив, достал блокнот и карандаш. Я встала в стороне рядом с Громовым, который уже был в комнате. Полицейский покосился на меня и зачем-то отступил вбок. Ну и ладно, я не расстроилась.

– Наталья Сергеевна, благодарю, что пришли, – начал Глеб с вежливостью, на которую был способен по особым дням. – Хотим задать вам несколько вопросов.

– Насколько я понимаю, – холодно отозвалась она, – я не являюсь подозреваемой?

– Пока нет, – невинно улыбнулся Глеб. – Но вы же не станете возражать против беседы?

Наталья чуть вскинула подбородок, изображая скуку:

– Пожалуйста. Спрашивайте.

Глеб задавал формальные вопросы: о распорядке дня мужа, о его деловых партнёрах, о возможных угрозах. Наталья отвечала коротко, по делу. Она знала его распорядок дня, но не о встречах. Знала о том, в каких клубах он отдыхает, но не имена его деловых партнеров.

Кажется, она была из тех женщин, которых с мужем объединял лишь счет в банке – он обеспечивал наличие на счету денег, она их самоотверженно тратила. В остальном она держала идеальную маску.

Глеб чуть сменил тон и заговорил мягче, почти сочувственно.

– Наверное, ваш муж много работал. Вам не было одиноко рядом с ним? Есть ли кто-то, кто вас поддерживал?

– Моя подруга, мы часто общаемся, – улыбнулась Наталья и поправила прядь волос, хотя её причёска была идеальна.

– Я имею в виду мужчину, – поправил её Глеб.

Наталья замялась лишь на полсекунды. Чуть вздернула подбородок и посмотрела прямо на Глеба:

– Мой муж знал, что я верна ему.

– Но может, кто-то другой знал о вас больше, чем ваш муж? – продолжил спрашивать Глеб.

– Что вы имеете в виду? – Наталья наигранно удивилась.

– Вы слишком стремительно уехали с похорон. Кто вас увез?

– Друг моего мужа, – быстро ответила Наталья.

– Вы говорили, что не знаете, с кем работает Андрей Лебедев, – напомнил ей Глеб.

– Но это не значит, что я не общаюсь ни с кем, когда мы встречаемся на приёмах, – ответила вдова. Даже я почувствовала в её голосе раздражение.

– Кто это был? – ровным голосом продолжил Глеб.

– Я... не помню его имени.

– И вы так просто сели в машину незнакомца? – Глеб поднял на нее суровый взгляд. Я бы уже призналась во всём, но Наталья обладала необыкновенной выдержкой.

– Я была растеряна после смерти мужа, – холодно сказала она. – И приняла помощь от того, кто её предложил.

– Анатолий Буров – вам известно это имя?

– Никогда о нём не слышала.

– Это один из ведущих инженеров. Он работал на вашего мужа.

– Кажется, я уже говорила, что не знаю имен тех, с кем работал Андрей, – она натянуто улыбнулась.

Но в её глазах мелькнул интерес. Или мне показалось?

Глеб снова склонился над блокнотом. И продолжил беседу:

– Вам когда-нибудь угрожали после его смерти? – спросил он, будто между прочим.

Наталья чуть напряглась. Это было незаметно для того, кто не всматривался – но я видела, как её пальцы сильнее сцепились на коленях.

– Нет, – ответила она. И добавила: – Мне нечего бояться.

– Конечно, – мягко согласился Глеб. – Тогда следующий вопрос. Кому перешли активы после смерти мужа?

Я увидела, как Наталья чуть дрогнула. Но этот вопрос казался обычным. И Наталья без заминки ответила:

– Мне, как его законной супруге, – легко, почти равнодушно, ответила она. – Это естественно.

Казалось, Глеб дал ей передышку, задав такой простой вопрос. Но я знала, что следующий поставит Наталью в тупик. Так и случилось. Глеб медленно подался вперёд, опираясь локтями на стол, и спросил:

– Если бы кто-то из вас захотел подать на развод... вы бы остались ни с чем. Верно?

Тишина звенела в ушах.

Наталья молчала секунду. Другую. Потом резко поднялась.

– Думаю, на сегодня достаточно, – сказала она, ледяным голосом. – В следующий раз я приду с адвокатом.

Она кивнула Громову, который невольно вытянулся, и направилась к выходу.

Глеб медленно откинулся на спинку стула, наблюдая, как за Натальей закрылась дверь.

– Зацепили, – тихо сказал он, скорее себе. А потом хмыкнул и добавил: – В следующий раз она будет осторожнее. Но врет она плохо. Очень плохо.

Я с сомнением покосилась на дверь. Если бы меня спросили, где соврала Наталья, я могла бы уверенно назвать только одно: про любовника. Остальное оставалось для меня загадкой. Глеб, кажется, видел больше – но как именно он это делал, я всё ещё не понимала.

– Думаешь, это она? – спросила у Глеба с сомнением.

– Если бы я так думал, она бы уже сидела в наручниках, – ответил он. – Но я не исключаю, что она к этому причастна. И мы все ещё не знаем, кому принадлежит та машина. Может быть, за ней стоит рыбка покрупнее.

ГЛАВА 9.

Мы вышли из переговорной.

Вершинин стоял чуть в стороне, прислонившись к стене. Но Глеб пошел к выходу, нарочно замедлив шаг. Будто давая возможность Алексею догнать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.